«რუსული კლუბი» საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა
ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Русский клуб

№11
ноябрь 2026

Запомните меня таким

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Фото: Дмитрий ЗВЕРЕВ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректура
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА «РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11 (253)
ноябрь 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ОСНОВАТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

რუსული კლუბი
საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ

6 БЛАГОДАРНЫЙ ПОКЛОН

8 НЕ ТАКИЕ, КАК ВСЕ
КОТЭ МАХАРАДЗЕ

13 НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ

15 СЛУЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ

16 «Я ПИШУ НЕ ПРО ВИНО, А ПРО ЛЮБОВЬ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ

20 КИНО – ЭТО ЖИЗНЬ

22 ДОМ НАВСЕГДА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ

28 «ПОЭЗИЯ ИЗБАВЛЯЕТ ОТ СТРАХА»
АРТЕМ КОМАРОВ

30 «ЛЮДИ, МЫ НЕ УМИРАЕМ, В КАЖДОМ БАБОЧКА ЖИВЕТ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА

36 СЛЕД ЖИЗНИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

40 ТБИЛИСИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП
РУБЕН ПАШИНЯН

42 ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
РОБ АВАДЯЕВ

44 МАРАФОН НА ДВОИХ
ГВАНДЖИ МАНИА

47 МОЯ АБХАЗИЯ
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ

52 ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ
МИТРОПОЛИТ АНАНИЯ ДЖАПАРИДЗЕ

от Я до

Роб АВАДЯЕВ

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ КИРИЛЛ, СТАВШИЙ КОНСТАНТИНОМ

В истории русской литературы XX века эта фигура высится монументальным, строгим гранитным пилоном. Пожалуй, не было в советские годы журналиста и писателя, который умел бы так весомо, спокойно и без капли казенного пафоса прописывать окопную, настоящую правду войны. Симонов не лакировал действительность; его грандиозная трилогия «Живые и мертвые» дышит реальной тоской отступления сорок первого года, гарью подбитых танков под Могилевом и тяжелым, изнурительным трудом солдата на передовой.

А ведь на самом деле, если заглянуть в ведомственные метрики прошлого, этого человека звали иначе. По рождению он был Кириллом Михайловичем Ольдекоп-Оболенским – потомком старинного дворянского рода. Но из-за специфической травмы языка молодой парень не выговаривал звуки «р» и «л». И тогда, проявив сугубо изобретательный прагматизм, он решительно сменил имя на Константина Симонова. Тут невозможно не улыбнуться, вспомнив великую историческую рифму наоборот: много веков назад один важнейший для России византийский деятель, вместе с братом Мефодием, создатель славянской азбуки, проделал обратный путь, сменив свое мирское имя Константин на строгое монашеское имя Кирилл. Круг замкнулся сквозь столетия.

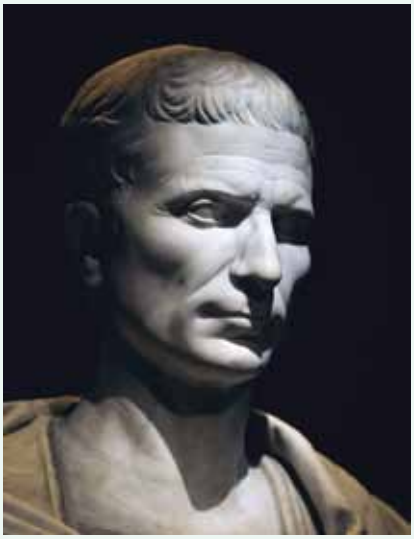
Симонов был точен во всем, за что брался. Его пьесы «Русские люди» и «Парень из нашего города» ставились в театрах по всей стране и, конечно, пронзительное, почти сакральное стихотворение «Жди меня» стало для воюющей страны главным солдатским оберегом на фронте. Но истинной его страстью оставалась журналистика. Как главный редактор «Нового мира» и «Литературной газеты», он обладал феноменальным кадровым чутьем. Именно Константин Михайлович Симонов, проявив высший пилотаж номенклатурного маневрирования, в 1966 году буквально «пробил» сквозь цензурные рогатки первую, легендарную публикацию романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва». Пусть и в сокращенном варианте.

Уже в преклонные годы, став седым, мудрым патриархом с неизменной трубкой в руке, Симонов пришел на телевидение. Его циклы передач с ветеранами – это не сухая официальная хроника, а тихий, пронзительный разговор по душам, где старые солдаты плакали перед камерой, вспоминая погибших товарищей. Он ушел, завещав развеять свой прах над Буйничским полем, где когда-то молодым корреспондентом выходил из окружения. Настоящий канонический Хранитель памяти.

СЛОВО ЧЕСТИ АНТИЧНОГО ГУМАНИСТА

Великий полководец и государственный деятель Древнего Рима Гай Юлий Цезарь слыл для своего бурного времени невероятно просвещенным человеком, литератором с безупречным слогом и, как модно говорить сегодня, истинным гуманистом. Но гуманизм первого века до н.э. имел свои, весьма специфические свойства, которые современному человеку могут показаться леденящим людоедским триллером. Идеальной иллюстрацией этого порядка стал знаменитый инцидент с киликийскими пиратами у острова Фармакусса.

В 75 году до н.э. молодой, но уже чертовски амбициозный Цезарь, отправлявшийся к известному ритору учиться ораторскому искусству, попал в плен к морским разбойникам. Те, не угадав масштаб личности, затребовали за него выкуп в двадцать талантов – это около 600 килограммов серебра. Цезарь лишь высокомерно расхохотался им в лицо, заявив, что они понятия не имеют, кого поймали, и велел назначить цену в пятьдесят талантов. Тридцать восемь дней, пока его люди, которых отпустили привезти выкуп, собирали заявленную Цезарем сумму по малоазийским городам, Цезарь вел себя на пиратском острове не как заложник, а как самовластный хозяин. Он прогуливался, принимал морские ванны, писал, читал разбойникам свои поэмы, запрещал им шуметь, когда ложился спать, а в промежутках между обедами лениво и с улыбкой обещал, что, когда выйдет на волю, обязательно вернется и всех их распнет. Пираты хмыкали в бороды и пили вино, принимая слова просвещенного молодого человека за милую аристократическую шутку. И они совершили смертельный просчет.

Как только выкуп в полторы тонны серебра (!) был доставлен, Цезарь, свято следуя своему «пути чести», выдал захваченные морским разбойникам ценности до последнего грамма – выкуп был уплачен безупречно. Но едва ступив на свободный берег гавани Милета, он проявил свои организаторские способности и высший пилотаж военной логистики – беспечные пираты не заметили, что захваченный римский аристократ всю дорогу в пиратскую гавань считал бухты по пути и, таким образом, знал, где их секретная база. Цезарь оперативно снарядил четыре боевые галеры, набрал добровольцев и внезапно налетел на пиратскую стоянку. И взял в плен всю банду вместе со своими же деньгами и огромным богатством, ранее награбленным.

Вот тут-то и включился тот самый знаменитый цезарианский «гуманизм». По законам Рима пиратов ждала долгая, мучительная смерть на крестах, хотя корыстолюбивый местный губернатор хотел сохранить им жизнь, чтобы продать в рабство в Египет, а выручку оставить себе. Но Цезарь этого не допустил, ведь

он дал морским разбойникам свое слово. Ворвался в тюрьму со своими добровольцами и решительно распял всю банду. Но, помня дни совместного отдыха и высоко ценя правила приличия, решил проявить милосердие. И приказал немедленно умертвить разбойников, дабы избавить их от лишних страданий. Как римский порядок, так и личное обещание были выполнены с ювелирной точностью.

КИСЛЫЕ ЩИ ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ

Если Цезарь в мировой истории высится мраморной римской колонной или триумфальной аркой, то гениальный русский ученый Ломоносов представляется монолитным огромным поморским валуном. Жизнь Михайло Васильевича, родившегося в северных Холмогорах 19 ноября 1711 года, то есть 315 лет назад, давно разобрана на официальные параграфы учебников. Но за глянцевым фасадом «отца русской науки» скрывался человек бешеного темперамента, колоссальной физической силы и поистине невероятной выдержки, достойной киношного Штирлица. Ломоносов умел выстраивать свой личный порядок в любых обстоятельствах, будь то чопорная Академия наук, яростные споры с царской бюрократией или полевой конфликт с европейскими вербовщиками.

Мало кто знает, что в 1740 году молодой русский студент германского университета чуть было не сгинул в жерновах прусской военной машины. По пути из Марбурга, на постоялом дворе близ Дюссельдорфа, Михайло повстречал офицера-вербовщика короля Фридриха Вильгельма I. Тамошние «ЧВКшники» работали топорно, но результативно: Ломоносова напоили, ласково похвалили за

богатырский рост и силу, незаметно подсунув контракт. Проснувшись поутру, наш гений обнаружил, что он теперь – рейтар прусской кавалерии. Наказание за дезертирство у Фридриха было одно – смертная казнь. Но Ломоносов проявил мастерство тактической маскировки. Несколько недель он безупречно нес службу, усыпляя бдительность капралов, а глухой ночью совершил дерзкий побег из крепости Везель. Михайло перемахнул через вал, переплыл ров, прополз под носом у часовых и несколько верст бежал до вестфальской границы, оставив пруссаков с носом.

Не менее рельефно его характер проявился и в Петербурге. 7 июня 1764 года его усадьбу на набережной Мойки внезапно навестила сама императрица Екатерина II. Традиционный пятнадцатиминутный визит вежливости затянулся более чем на два часа: ученый показывал государыне мозаику «Полтавская баталия» и крутил перед ней медные ручки химических приборов. А когда пришло время обеда, Ломоносов, не любивший придворного политеса, простодушно посетовал, что трапеза у него сегодня далеко не царская, а сугубо обычная – его жена Елизавета-Христина Цильх сготовила кислые щи да кашу. На что просвещенная немка Екатерина, обожавшая простую русскую еду (и, поговаривали, поутру умывавшаяся капустным рассолом ради гладкости кожи), с улыбкой обронила историческую реплику: «Ах, Михайло Васильевич, для меня эти горячие и вкусные щи – лучше любого заморского фрикасе!» Так за простым русским обедом сошлись два главных ума российской империи. Впрочем, о щах, съеденных в гостях матушкой-государыней, было оповещено в газете – пиар превыше всего!

АМУЛЕТ НА ШЕЕ САТЧМО

В мировой музыкальной табели о рангах эта фигура высится монументальным, ослепительно сияющим медным раструбом. Луи Армстронг навсегда изменил саму физику джаза, превратив его из кабацкого развлечения в высокое искусство. Его феноменальное, мастерское владение инструментом, умение добиться идеальной сыгранности собственных оркестров и, конечно, это неподражаемое, обаятельное хриплое пение – звуковой символ эпохи. Но мало кто знает, что за триумфом черного гения скрывается удивительная, сугубо семейная история, завязавшаяся в гетто Нового Орлеана.

Маленький Луи родился в беднейшем и самом опасном районе города, на стыке криминальных

трущоб и портового людского водоворота. Его судьба могла пойти по стандартной для его круга уголовной дорожке, если бы семилетнего пацана не приютила бедная семья литовских евреев-эмигрантов по фамилии Карнофски. Сначала смышленый мальчишка работал у них простым слугой – помогал развозить уголь и кормить лошадей, но очень быстро стал для Карнофски полноценным, любимым воспитанником и членом семьи. Пожилая чета окружила Луи невероятным теплом и заботой, которых он никогда не видел от родной матери – по слухам, имевшей отношение к древнейшей профессии. Именно они первыми разглядели в нем искру божью, поощряли его тягу к музыке и, сложив свои скромные гроши, купили парню в подарок его самую первую в жизни корнет-трубу.

Эту благодарность великий музыкант пронес через всю свою бурную жизнь. Малоизвестный, но реальный факт: гениальный Луи Армстронг свободно и чисто разговаривал на идише, обожал традиционную еврейскую кухню и никогда – ни на концертах, ни в кабинетах продюсеров – не снимал с шеи маленький серебряный могендовид (шестиконечную звезду Давида), носимый им как амулет на удачу. Даже свое знаменитое прозвище Сатчмо (сокращение от Satchel Mouth, «рот-сумка»), под которым его знал весь мир, он произносил с той особой, теплой южной интонацией, которой его научили в доме у Мойши Карнофски. Даже став «звездой», Сатчмо был чудным, щедрым и очень обаятельным человеком – посмотрите фрагмент из фильма «Парижский блюз», когда он со своим оркестром приходит в скромный джазовый подвальчик, чтобы поддержать местных джазменов. И они устраивают джем-сейшн, то есть вместе играют и по очереди импровизируют, подхватывая тему друг у друга. Это памятник настоящему братству музыкантов.

БЛАГОДАРНЫЙ ПОКЛОН

В 2026 году Николай Свентицкий мог бы отметить две знаменательные даты.

70-летие – как бы это странно ни звучало, ведь годы над Свентицким были не властны. А еще – 40 лет служения в Тбилисском русском театре имени Грибоедова.

Не случилось...

Наш прощальный благодарный поклон – «Запомните меня таким».

Так называется книга, подготовленная стараниями «Русского клуба» и изданная при поддержке Бадри Какабадзе, президента Грузинского землячества «Иверия» в Санкт-Петербурге. В ее создании участвовали самые-самые разные люди – актеры, поэты, музыканты, театральные деятели, ученые, дипломаты, бизнесмены… Но всех их объединяет одно общее чувство – они любили Колю Свентицкого. А он – любил их. Эта книга – о его жизни и судьбе, о том, что он сделал для своей страны, своего города, своего театра, для всех нас.

Такое же название мы дали документальному фильму-портрету о Николае Свентицком – человеке, без которого невозможно представить современное театральное пространство и сегодняшнюю общественную жизнь Грузии.

И наконец, так же – «Запомните меня таким», – назывался вечер памяти Николая Николаевича в Большом зале театра им. А.С. Грибоедова. Это был вечер воспоминаний, любимых песен Николая Николаевича, его любимых стихотворений и, конечно, с участием тех, к кому он испытывал особую приязнь. На сцену вышли Тамара Гвердцители, Джемал Сепиашвили, Темур Тарашвили, Гела Донадзе и Ануки Цквитинидзе, ансамбль «Форте», актеры Грибоедовского театра Нино Кикачеишвили, Валерий Харютченко, Аполлон Кублашвили, Олег Мчедлишвили. Прозвучали видеоприветствия Нани Брегвадзе, Роберта Стуруа, Юрия Ряшенцева, Олега Басилашвили, Андрея Макаревича, Сергея Шуба. Вечер начался и закончился голосом Николая Николаевича – со слезами на глазах мы слушали, как он читает стихотворение Геннадия Шпаликова «По несчастью или к счастью…» и поет песню «Чемо Тбилисо», написанную в свое время Тенгизом Джаиани и Зауром Квижинадзе именно по его личной просьбе.

Вечная светлая благодарная память вам, дорогой Николай Николаевич.

Не забудем никогда. Спасибо за все.

Тамара Гвердцители

Аполлон Кублашвили и Нино Кикачеишвили

Олег Мчедлишвили

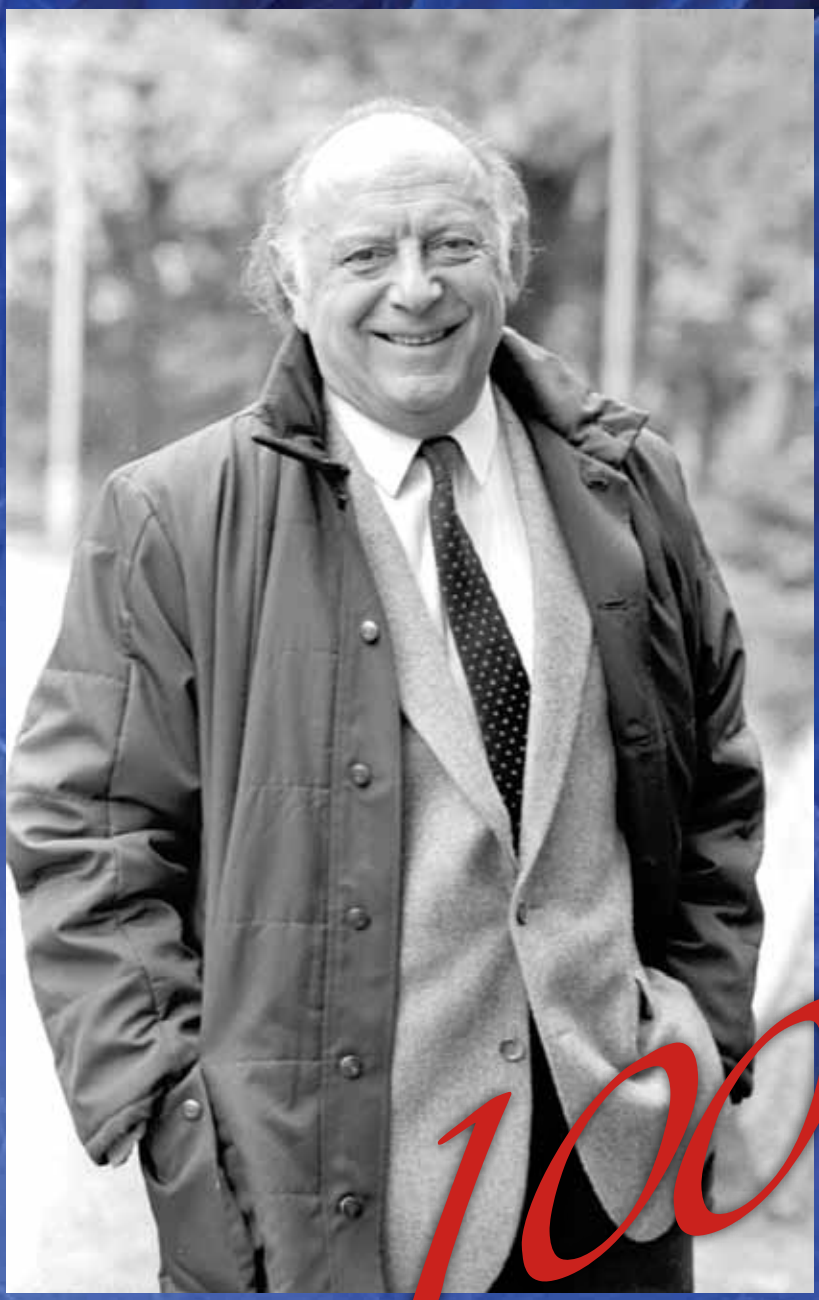

Валерий Харютченко

Темур Татарашвили

Джемал Сепиашвили

Ансамбль «Форте»

Ануки Цквитинидзе и Гела Донадзе

100

НЕ ТАКИЕ, КАК ВСЕ

Котэ МАХАРАДЗЕ

17 ноября исполняется 100 лет со дня рождения Котэ Махарадзе – актера театра и кино, театрального педагога, спортивного комментатора, народного артиста Грузии, кавалера ордена Чести, почетного гражданина Тбилиси.
Глава из автобиографической книги нашего прославленного современника «Репортаж без микрофона» выбрана нами не случайно. Автор рассуждает о том, как непросто живется в нашем мире «не таким, как все». Но ведь он и сам был таким – не похожим ни на кого другого…

Сколько было написано и сказано по поводу загадочного ухода Давида Кипиани из футбола! Действительно ли полученная травма стала причиной ухода известного футболиста? Кипиани держался молчаливым джентльменом и всем однозначно отвечал: «Травма, и больше никаких причин». Но ведь после травмы, возвратясь в команду, он провел несколько матчей на таком уровне, что все убедились воочию – Кипиани в своей лучшей форме. Значит, травма ноги – только удобное прикрытие действительной причины. Но раз так заявляет сам футболист, почему же не верить ему и копаться в грязном белье? Тем более в преддверии испанского чемпионата мира. Лучше замнем для ясности. И – замяли. Помните, наверное, какой ничем не подкрепленной верой жили и дышали в те дни поклонники футбола вообще и сборной СССР в частности. Не все, конечно, но большинство, по крайней мере. И уходу Кипиани тогда не придавалось такого уж важного значения – можно выиграть и без него. Я не утверждаю, что с Кипиани сборная сыграла бы гораздо лучше, что результат был бы совершенно другим. Нет. Но то, что в отдельных матчах мы выглядели бы гораздо солиднее, толковее, показали бы более продуманную и целеустремленную игру – абсолютно уверен. После встречи с бразильцами в ложе прессы раздавались пока отдельные голоса: этот матч мог бы стать матчем Кипиани, имея в виду второй тайм, когда с единственной целью – сохранить минимальное преимущество – наши футболисты всем скопом отошли назад, построив оборонительные редуты, и отбивались как могли. Ошибочная тактика нашей команды во втором тайме была настолько очевидной и обреченной, что закрыть на нее глаза может только недоброжелатель. Честь и хвала обороне сборной и в особенности Ринату Дасаеву, что все завершилось относительно благополучно, ведь проиграли всего-то с разницей в один мяч. Могло быть гораздо хуже. В тот день не нашлось в команде игрока, который мог хоть немножко по-

держать мяч, дать передышку защите, просто-напросто поимпровизировать в середине поля, наладить быстрые, продуманные контратаки. Им мог быть Давид Кипиани. Но его не было.

В том матче и во всем чемпионате нашей команде не хватало футболиста-созидателя, организатора, мыслящего. В общем, лидера. На голодном пайке отсидели весь чемпионат Блохин и Шенгелия. Чтобы хорошо и точно выстрелить, необходим человек, который вовремя и бесперебойно умеет доставлять снаряды снайперу. В отсутствие Кипиани и Буряка – больших мастеров предпоследнего хода – нашим снайперам делать было нечего, они ничего и не сделали. И если отсутствие Буряка было предопределено настоящей травмой, в случае с Кипиани ссылка на травму выглядела неубедительно.

После окончания чемпионата все разом, хором, громко заговорили об этой проблеме. Не только спортивная пресса, но и газеты и журналы совершенно иного профиля посвятили статьи причинам ухода Кипиани. В «Литературной газете» была напечатана большая статья «Кипиани уходит». Это была одна из лучших статей (если не лучшая), посвященных итогам XII чемпионата мира. Ее автор, Юрий Рост, смело и правдиво анализировал причины неудач нашей сборной и одной из главных назвал отсутствие Кипиани. Так думало большинство. Лишь абсолютное меньшинство не согласилось с таким выводом, и среди них был Владимир Маслаченко, который сказал однажды, что «Кипиани играет в стиле Гаврилова», да так и остался при своем мнении.

Давид Кипиани

Но все это было после. Несмотря на предостережение русской пословицы, мы в который раз замахали кулаками после драки. А накануне – молчали! Уход нужного игрока не вызвал никакой реакции – ни положительной, ни отрицательной – среди руководителей сборной. Лишь в двух небольших интервью на назойливые вопросы журналистов о Кипиани тренеры сборной снова однотипно ответили: «Травма», – не выразив никакого сожаления по этому поводу. Через несколько дней в газетах был опубликован список 44-х кандидатов в сборную, и Кипиани в нем уже не было. Спешили, что ли? Не дай бог, вдруг Кипиани передумает… Тренеры не оставили ему даже надежды на возможное возвращение, скажем, после переговоров, если хотите – увещеваний. Создавалось впечатление, будто этого ждали.

Сначала Виктор Понедельник, а затем Юрий Рост в своих статьях вспоминали о том, как тренер сборной Бразилии Теле Сантана пересек Атлантику и специально прилетел в Италию, чтобы встретиться с Фалькао и договориться с ним об участии в чемпионате мира. Слетать же в Тбилиси к Кипиани никто не удосужился. Но, дорогие коллеги, разве надо было кому-либо лететь в Тбилиси? Ведь один из старших тренеров был тут же, рядом, и никуда специально ему не надо было ехать, достаточно было захотеть… Не захотели.

Двумя месяцами ранее в зарубежных спортивных газетах был опубликован список лучших футболистов планеты, и Кипиани значился пятым. Пятым (!) среди лучших футболистов мира. Чуть раньше сборная Европы сыграла матч со сборной Чехословакии в день юбилея чешского футбола, и в состав сборной континента были приглашены от нас только двое – Блохин и Кипиани. В основном составе сборной Европы ему место нашлось, а в составе сборной Союза – нет. Он – пятый в мире, а в список сорока четырех кандидатов в сборную страны не попадает.

Самобытность, непохожесть, нетипичность, непредсказуемость – свойства характера, присущие настоящим «звездам». Под общую гребенку их не пострижешь. Они выходят за рамки обычного, за рамки

Омар Пхакадзе

холодных схем и общепринятых тактических построений. И никак не попадают в стилистику общих рекомендаций сверху. К ним нужен особый, индивидуальный подход.

Ярким примером может служить и случай с экс-чемпионом мира, заслуженным мастером спорта, велогонщиком-спринтером Омаром Пхакадзе. Юным любителем-шоссейником приехал он в Тбилиси, где впервые в жизни увидел велотрек. Поистине, «veni, vidi, vici». Через пару лет он – чемпион Советского Союза, а через год-другой – чемпион мира. Первый советский чемпион по спринту. В том же году он был назван спортсменом № 1 СССР. Самобытный талант, природой наделенный фантастической скоростью и силой, он взял верх над всеми сильнейшими гонщиками мира. Его соперник в финале, итальянец Джордано Туррини, в честь несравненного чемпиона назвал своего сына, родившегося месяц спустя, Омаром.

Появился новый чемпион – надо же его подучить, дать спортивное образование, тренировать по правилам, как положено. Как это он посмел стать чемпионом без наших рекомендаций?! И Пхакадзе начали учить. Кропотливо и дотошно объясняли, сколько процентов силы и массы приходится на правую ногу, когда ею нажимаешь на педаль, сколько – на левую, свободную, какие группы мышц участвуют в движении ног и т.д. и т.п. Учился, учился Омар и… больше ни разу не стал чемпионом. В силу своего дарования он еще долго оставался одним из сильнейших (в 1972 году в олимпийском Мюнхене завоевал бронзу) и не раз побеждал самого Даниеля Морелона, но, «наученный», вышколенный под одну гребенку, повторить свой успех уже не смог никогда.

Общие рекомендации по методологии, необходимые для всех, могут только помешать тем, кто благодаря природным данным, самобытности выходит за рамки общепринятых методов и систем. Разве можно было по обычным меркам подходить к Гарринче, у которого одна нога была короче другой на целых 6 сантиметров? Списать, что ли? Ведь причина веская – человек хромой. Подстраивай такого спортсмена под общие рекомендации – и футбольный мир никогда не насладился бы игрой великого Гарринчи. Но сила Феолы была и в том, что он подошел к нему индивидуально, сообразно его редкой конституции и таланту.

Хоть убейте, не перестану утверждать – не умеем мы должным образом ценить ярких и самобытных спортсменов! Кудесник кожаного мяча Михаил Месхи ушел из спорта в 29 лет, не доиграв много нужных для команды и болельщиков матчей. Мы привыкли называть волшебниками, магами футбола бразильцев, иногда аргентинцев и почему-то становимся в позу застенчивых и скромных, когда дело касается кого-нибудь из своих. Почему? Разве не волшебником предстал перед нами Миша Месхи в один из жарких августовских дней 1960 года в Тбилиси, когда «Динамо» разгромило известный бразильский клуб «Баня» со счетом 4:0? Невысокий крепыш показал феерическую игру и буквально разбросал по газону всю оборону бразильцев во главе с рослым и непроходимым (как писали и как считалось) Сантосом. Сохранилось удивительное фото: Голиаф-Сантос крепко сжимает в своих объятиях «малыша» Месхи, так схожего в тот день с библейским Давидом…

Финт Михаила Месхи

Как, к примеру, могли допустить руководители российского футбола, что из-за московской девушки небезупречной репутации они потеряли единственный, пожалуй, шанс навсегда оставить в «звездной» истории мирового футбола русского спортсмена рядом с именами Ди Стефано, Фонтена, Гарринчи, Круиффа и Марадоны? Имя этого человека – Эдуард Стрельцов. Посадили Стрельцова, и словно осиротел без него футбол. Эдика выпустили лишь через шесть лет. Это не очень внушительный отрезок времени для молодого, полного сил и энергии человека. Но те же годы для футболиста – целая жизнь. Так что реально футболисту Стрельцову присудили пожизненный срок без права апелляции и помилования. Он вернулся уже немолодым мужчиной. Но огромное футбольное дарование дало ему возможность через несколько недель тренировок вновь занять свое место сначала в «Торпедо», а затем и в сборной СССР. И – о чудо! – через шесть лет вынужденного простоя он снова, причем дважды подряд – в 1967-68 гг. – стал лучшим футболистом страны.

Много лет спустя Стрельцов приехал в Тбилиси для участия в турнире ветеранов по мини-футболу. В переполненном Дворце спорта местный диктор начал объявлять состав сборной Москвы. Что ни фамилия – история футбола. Трибуны то и дело взрывались аплодисментами. И вот диктор объявляет: «Номер восемь – Эдуард Стрельцов!» И весь зал встал. 10 тысяч тбилисцев стоя несколько минут бурно рукоплескали ставшему легендарным при жизни форварду, потенциальной, но, увы, несостоявшейся звезде мирового футбола. Понурив голову, стоял большой, уже не очень ладно сбитый мужик и… плакал. Говорят, такого Стрельцова – всего в слезах – не видели ни до, ни после этого дня…

И вот еще о чем. В отдельных, правда, редких случаях спортсмен, будь он футболист, баскетболист или регбист, по своему не только дарованию, но и спортивному образованию обходит тренера и, опережая время, восходит к завтрашнему

Атакует Эдуард Стрельцов

дню. Не все тренеры усекают этот момент, и тогда начинаются неприятности. То, что для такого спортсмена – норма, для тренера – отклонение от нормы. Спортсмен объявляется трудным, а еще чаще – своевольным, амбициозным индивидуалистом, в общем, белой вороной. Лучше обойтись без него. Лучше работать с середняками: они надежнее, полностью подчиняются, у них не бывает непричесанных мыслей. «Пусть они одумаются, образумятся, станут такими, как все», – призывают их люди, часто лишь волей случая поставленные руководить, управлять ими. «Такие, как все» – какая ужасная формулировка, тормозящая все и всех.

Разве не похожи взаимоотношения тренера и спортсмена на взаимоотношения режиссера и актера в театре? Не могу утверждать, да и грешно, что все режиссеры не любят артистов, независимо мыслящих, самобытных, с широким горизонтом знаний, в общем, личностей. Но они режиссеров настораживают. Нет-нет, да и просматривается в них желание иметь побольше удобных, безропотно подчиняющихся актеров. В недалеком прошлом великолепные режиссерские спектакли были прекрасны еще и тем, что в них ярко сияли актерские удачи. Давно уже предан забвению наказ Немировича-Данченко режиссерам – умереть в актере. Театральная эстетика, по которой вершиной режиссуры признается спектакль, где режиссер не виден, где он растворился в актере, – канула в Лету. Сейчас только режиссер и виден. Чем меньше проявляет себя актер, чем точнее, строже выполняет режиссерские установки, тем выше оценивают его работу. Тогда он – молодец, нужный артист. Раньше режиссер мечтал раствориться в артисте, а сейчас, видите ли, всем артистам нужно коллективно раствориться в режиссере!

Известно, что волевые решения принимаются единолично и, как следствие, таят в себе неминуемость ошибок. Я слегка побаиваюсь довести ход рассуждений до логического конца, так как по законам развития общества единовластие, подкрепленное волюнтаризмом, неизбежно заканчивается крахом такой формы власти. Но театр – это особый организм, и не все законы жизни так прямолинейно применимы к нему.

Отлично понимаю, что я перегибаю палку. Что и у этой медали есть обратная сторона. Что не все режиссеры, да и тренеры, делают так. Что есть режиссеры, которые в основном через актеров и создают свои шедевры. Что есть тренеры, которые точно и тонко улавливают индивидуальность талантливых спортсменов, максимально их развивают и добиваются больших успехов

с опорой на эти индивидуальности. Но, к сожалению, таких хороших режиссеров и тренеров мало. А средних и плохих – ой как много! А права и полномочия у всех одинаковые. Плохой или хороший, талантливый или бездарный режиссер, все равно – руководитель. Всего театра или коллектива, выпускающего один спектакль. Не руководящих режиссеров и тренеров не существует. Это специфика профессии. На десятки хороших и единицы талантливых приходятся сотни средних и плохих. Налицо диспропорция и, что еще печальнее, дисгармония. Отсюда и проблемы.

Я не склонен представлять вам артистов в этаком комплиментарном свете. Мол, все артисты – эрудиты и интеллектуалы, сплошь и рядом превосходят режиссеров. Это далеко не так. Как сегодня помню, одному на редкость начитанному молодому артисту, только что принятому в театр, все говорили: «Ну и дурак же ты! С такой головой пошел в артисты!» Выходит, голова не так уж необходима артисту? Чушь какая-то. Хотя, принимая во внимание явно наметившийся крен в сторону превращения артиста в безропотного исполнителя воли режиссера, в своеобразную марионетку, возможно, и не чушь. Может, и вправду достаточно одной-единственной извилины, да и то неглубокой?

Что касается спортсменов, в частности футболистов, тут дела даже похуже. Журналистам и нам, комментаторам, как-то особенно полюбилась фраза, к которой мы часто прибегаем: «Такой-то футболист сыграл головой и с головой!», как бы подчеркивая, что если игра головой в футболе – дело обычное, то сыграть с головой, с умом – редкое явление. Много хороших игроков помнит история футбола. А когда с сильными, тренированными, ловкими ногами есть еще ясная голова, неординарный ум, тогда и рождаются Ди Стефано, Пеле, Круиффы, Беккенбауэры, Федотовы, Пайчадзе, Бобровы, Нетто, Блохины, Кипиани и другие.

Конечно же, не всякому спортсмену дано быть Геннадием Шатковым и дослужиться до высокого ранга проректора университета или Георгием Шхвацабая, бывшим легкоатлетом-рекордсменом, ставшим впоследствии академиком. Но, клянусь, не надо всех мерить единой меркой и отказывать даже в той одной извилине, которую столь благосклонно выделили для артистов.

Каждый режиссер и каждый тренер работает как умеет и как ему хочется. Не позволю себе лезть с ненужными советами или поучать. Я просто подчеркиваю то, что приходилось видеть самому. Возможно, мои рассуждения легко уязвимы и опровергнуть их для кого-то и не составит большого труда. И тем не менее я твердо убежден, что режиссер заканчивается тогда, когда он решит, что театр у него в голове. Никогда не превратится артист в мрамор или глину, из которой скульптор лепит свои изваяния. Утверждающим обратное режиссерам надо было стать живописцами, скульпторами, архитекторами, композиторами и сотворять чудо искусства на холсте, в бронзе, в камне, в мире звуков и мелодий. А если непременно режиссура – извольте овладеть искусством рисованного или кукольного фильма, вот вам и карты в руки – ставьте себе и людям на радость. А потому как режиссеру театра приходится работать не с холстом, камнем или мелодией, а с живым человеком, тоже творцом, они должны быть соавторами, сподвижниками, единомышленниками – другого не дано. Преступив эту черту, превзойдя свои полномочия, режиссер сам же, как скорпион, смертельно жалит себя.

В футболе все выглядит примерно так же. Когда у тренера затуманиваются мозги и успехи придают ему не уверенность, а самоуверенность, и он решает, что футбол и команда у него в голове, – можно закрывать занавес. Нет, господа, футбол все-таки в ногах футболиста, а не в голове у вас. Потому он так и называется: «фут» – «нога», «бол» – «мяч». В начале XX века в России именно так говорили и писали – «ножной мяч».

Легко работается и режиссерам, и тренерам в первые годы. Все сплочены, заряжены единым зарядом, единой верой и стремлением к единой цели. Все ново, все интересно, аж дух захватывает. Но со временем новизна постепенно переходит в обыденность, появляются скука, неудовлетворенность, озлобленность. Надо обладать железной волей и редкостным талантом, чтобы выстоять, преодолеть застой, мертвую точку, найти в себе силы изменить устаревшие методы работы и снова двинуться вперед. Есть примеры, когда творец находит силы и возможности изменить, обновить все на старом месте работы, почти с тем же составом. Но такие примеры редки.

Не уставал искать новое Константин Сергеевич Станиславский. Уже создав свою «систему», он все время, до самой старости, был в поисках. Появлялись «сквозные действия», «сверхзадача», «зоны молчания», «действенные анализы» – и так без конца.

А пример Георгия Александровича Товстоногова? Сколько раз его «хоронили», предсказывая неизбежный тупик – и режиссеру, и БДТ в целом. Он же с азартом и присущим ему остервенением искал и находил новые пути развития театра. Когда же кулуарный шепот переросв громкие заявления о том, что товстоноговская режиссура – это прекрасный, но все-таки вчерашний день театра, он (спустя 20 лет работы в БДТ – *ред.*) выдал такую современную по тем временам «Историю лошади» по толстовскому «Холстомеру», что всех заставил по-новому отмерять расстояние между вчерашним, сегодняшним и завтрашним театром…

Напоследок еще раз вернусь к тому, с кого начал эту часть книги, – к Давиду Кипиани, о котором уже создана увесистая спортивная литература, снято два фильма, написано несколько стихотворений и загадочный уход которого из большого футбола стал притчей во языцех. В 18-летнем возрасте его отчислили из тбилисского «Динамо» мудрецы-селекционеры как бесперспективного и вспомнили о нем, уже когда парню пошел 21-й год.

Вот о такой, порой незавидной, участи людей из категории «не такие, как все» мне и хотелось рассказать.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Как Котэ Махарадзе «закрыл» Европу

За более чем сорок лет комментаторской деятельности он вел репортажи из всех стран Европы и десятков государств других континентов. Я с детства слушал эти репортажи и жаждал познакомиться с выдающимся комментатором и артистом. Первые эпизодические контакты имели место в конце 1970-х – начале 1980-х годов в Донецке, перед матчами чемпионата СССР между местным «Шахтером» и тбилисским «Динамо»: тогда я учился на факультете истории Донецкого университета и вместе с грузинами – студентами местных вузов – с плакатами «დინამო» («Динамо») не только бывал на матчах, но и обязательно приходил в те гостиницы, где останавливалось тбилисское «Динамо». Приходил, чтобы пообщаться не только с выдающимися игроками любимой команды Давидом Кипиани, Александром Чивадзе, Мануча-ром Мачаидзе, Рамазом Шенге-лия, Отаром Габелия и другими, но и с комментаторами, которые приезжали в Донецк вести теле-репортажи. Однажды приехал и Котэ Махарадзе. Мне удалось познакомиться и пообщаться с прославленным мастером спортивного репортажа. «Кем собираешься стать?» – поинтересовался Котэ Иванович. – «С детства люблю историю, но после вуза хочу стать журналистом. А на истфак, если честно, поступил потому, что туда попасть было легче, чем на факультет журналистики». – «Раз любишь спорт, начинай писать о спорте – в других сферах больше цензуры. Пиши для университетской газеты, для городской, а потом, если будет масштабное событие, посылай в тбилисские и московские издания». Я запомнил его слова и с 1980 года писал в газеты Украины, Грузии, а с 1983 года стал регулярно публиковаться и в московских изданиях, в том числе в «Известиях», «Советском спорте», «Учительской газете», «Труде». Писал о спорте, о преподавании истории, а с 1987 года – и на общественно-политические темы. Я признателен Котэ Ивановичу за совет, который он мне дал в Донецке. Знаю, что он помогал советами и другим журналистам – он всегда старался поддержать коллег.

Через несколько лет в родном Сухуми (я вернулся из Украины в июне 1993-го) мы коротко пообщались с Котэ Ивановичем – это произошло на набережной у гостиницы «Рица». Он был вместе со своим другом и учеником, комментатором, впоследствии заслуженным тренером Грузии Джамлетом Хухашвили. А более близкое наше знакомство произошло в декабре 1994 года. По решению Федерации футбола Грузии меня включили в список журналистов, которые вместе со сборной страны чартерным рейсом полетели в Тирану на матч отборочного турнира ЧЕ-1996 с Албанией. В те дни мы много общались с Котэ Ивановичем. Он сказал, что за период комментаторской работы побывал во всех странах Европы, кроме Албании, и поэтому согласился на эту поездку. «Тенго, если мы благополучно приземлимся в Тиране, то можешь передать в тбилисские и московские издания информацию «Котэ закрыл Европу», – еще в самолете сказал Махарадзе, а когда мы прилетели в Албанию, добавил: «Дерзай, передавай».

Мобильных телефонов и интернета тогда фактически не было, поэтому я мог передать первый репортаж из Тираны либо по телефону, либо по факсу. Но не тут-то было: сборную Грузии разместили в отеле в Тиране, а журналистов и несколько сопровождающих лиц, к нашему удивлению, повезли в Дуррес – город в 30 км от столицы. В Дурресе нас ждал сюрприз: в отеле не было воды и электроэнергии. Администраторы сказали, что их дадут через три часа. Я решил вернуться в Тирану и оттуда передать по факсу материал в Тбилиси и Москву. Перед этим я попросил: «Батоно Котэ, пожалуйста, пока никому не давайте

интервью, я должен передать свой эксклюзив о том, что вы закрыли Европу». – «Не волнуйся, до завтрашнего вечера никому не скажу ни слова».

Я приехал в гостиницу, где жила сборная Грузии, и отправил по факсу тексты в Москву, в «Спорт-экспресс», и в Тбилиси. Но через пару минут выяснилось, что факсы прошли плохо, с помехами. Отправил заново – то же самое. А ведь отправка одной страницы факса из Тираны стоила три доллара – по тем временам это было недешево. Я решил позвонить в редакции. Опять неудача – то плохо слышно, то никто не отвечал. Что за невезение! К тому же я взял с собой всего тридцать долларов, а они закончились после сообщений по факсу и звонков. Появились футболисты, главный тренер Александр Чивадзе, члены тренерского штаба… Но беспокоить их было неудобно. Видимо, я сильно нервничал, и это заметил мой давнишний друг, уроженец Сухуми, известный форвард Михаил Джишкариани. «Тенгиз, не переживай, – подбодрил меня Миша, – завтра мы обязательно выиграем». Я объяснил, что не сомневаюсь в победе Грузии и переживаю по другой причине. Не успел я до конца поведать ему о своих мучениях со связью, как он меня прервал: «Я помогу». И протянул сто долларов. После этого я сумел и факсы отправить, и позвонить. Передал материал и в газету, и на радио. И еще осталось из той суммы. Забегая вперед, скажу, что вернуть Мише долг мне не удалось – он категорически отказался его принять: «Пригодится в следующий раз». Когда я рассказал о моих злоключениях Котэ Ивановичу, он с улыбкой заметил: «На эту тему можно снять короткометражный фильм».

На второй день Грузия победила Албанию со счетом 1:0. Гол с подачи Гелы Иналишвили забил Шота Арвеладзе. После матча был банкет, и там парадом командовал Котэ Махарадзе. Я впервые видел его в этом качестве и могу засвидетельствовать – он был не только великим комментатором, но и великим тамадой.

После этого я часто встречался с Котэ Ивановичем. Когда в Тбилиси приезжали мои коллеги из Москвы, Киева, Еревана, Риги и других городов, я звонил и просил его встретиться с ними. Обычно батони Котэ приглашал журналистов к себе домой и в непринужденной обстановке давал интервью. Это были незабываемые встречи.

Международный турнир имени Котэ Махарадзе

Ассоциация спортивных журналистов Грузии (АСЖГ) с 2019 года ежегодно проводит международный футбольный турнир среди журналистов стран Европы. Исключение составил 2020 год – из-за ковида. Инициатором проведения турнира был журналист Михаил Абаишвили, который в 2016-2024 годах возглавлял АСЖГ, а ныне является ее вице-президентом и неизменным руководителем оргкомитета турнира. Победителем дважды становилась команда журналистов Грузии, по одному разу – сборные Армении, Казахстана, Украины и Румынии.

В нынешнем году турнир прошел с 13 по 15 октября в Батуми при поддержке Министерства спорта Грузии, а также департамента спорта Автономной республики Аджария. Партнерами оргкомитета были батумский футбольный клуб «Вест Джорджия» (он предоставил поле для проведения матчей), «Лайвспорт» и одна из старейших винных компаний Грузии «Ахашени 2005». В состязании приняли участие медиасборные восьми стран – Азербайджана, Армении, Грузии, Румынии, Египта, Израиля, Казахстана, Турции, Украины, причем команды Египта и Израиля участвовали впервые.

Главный приз турнира, «Кубок Котэ», эксклюзивно созданный скульптором Леваном Вардосанидзе, достался сборной журналистов Армении, которая в финале в напряженной борьбе выиграла у Грузии со счетом 3:2. Израиль и Египет поделили третье место.

Лучшим игроком турнира был признан вратарь сборной Армении Вахран Мкртчян, приз ему передал первый вице-президент АСЖГ Бидзина Бараташвили.

Лучшим бомбардиром стал 31-летний Сосо Малания – нападающий сборной журналистов Грузии. В пяти матчах он забил 8 голов. Кстати, Сосо – сын известного в 1980-х – начале 1990-х годов футболиста Сосо Малания, который успешно выступал за сухумское, тбилисское и батумское «Динамо», за сухумскую команду «Цхуми» и один сезон играл в Китае. Сейчас Сосо Малания-старший является президентом действующей в Тбилиси Федерации футбола Автономной Республики Абхазия.

За матчами турнира в Батуми наблюдали бывшие футболисты тбилисского «Динамо» Реваз Челебадзе, Аслан Баладзе и Давид Муджири-старший, главный тренер батумского «Динамо» Гия Чиабришвили, проживающий в Батуми известный украинский футболист и тренер Андрей Демченко и другие видные спортсмены.

Имя Котэ Махарадзе продолжает жить – в наших сердцах и делах.

СЛУЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В Тбилисском государственном университете им. Иване Джавахишвили состоялся XVIII Международный симпозиум «Современные проблемы литературоведения», организованный Институтом грузинской литературы им. Шота Руставели, Грузинской ассоциацией сравнительного литературоведения (GCLA) и ТГУ. Симпозиум носит тематический характер и ежегодно посвящается конкретным актуальным проблемам литературоведения. В нынешнем году форум проходил под названием «Тема войны и мира в современной мировой литературе и культуре».

Восемнадцатый по счету Международный симпозиум был посвящен знаменательной дате – 90-летию со дня основания Института грузинской литературы им. Шота Руставели. Церемония открытия состоялась в фойе актового зала ТГУ, на ней присутствовали ректор ТГУ, академик Джаба Самушия, заместитель министра образования, науки и молодежи Звиад Габисония, директор Национальной парламентской библиотеки Грузии Константин Гамсахурдия и другие почетные гости. Собравшихся приветствовал специально прибывший для участия в мероприятии президент Национальной академии наук Азербайджана, академик Иса Габиббейли.

Мероприятие включало в себя ряд памятных событий. За плодотворную научную и педагогическую деятельность директор Института грузинской литературы, профессор Ирма Ратиани была награждена медалью имени Иване Джавахишвили. Она также была удостоена высшей награды Национальной академии наук Азербайджана – Золотой медали Академии. В музее ТГУ прошла фотовыставка и презентация юбилейной книги «Институт грузинской литературы в событиях и фотографиях».

Как отметили выступавшие, создание Института грузинской литературы тесно связано с именем выдающегося ученого, филолога и литературоведа, академика Корнели Кекелидзе. Дело в том, что 90 лет назад изучением отечественной литературы занимался Исследовательский центр языка, литературы, искусства и истории.

Звиад Габисония, Джаба Самушия и Ирма Ратиани на открытии симпозиума

Именно по инициативе Корнели Кекелидзе и при поддержке Тбилисского государственного университета литературоведение стало отдельным направлением. «Если не мы, то кто другой сделает это дело?!» – эта историческая фраза, сказанная академиком, заложила основу для формирования независимого учреждения, которое занималось бы изучением грузинского литературного наследия.

Ирма Ратиани в своем выступлении рассказала о нынешней плодотворной деятельности учреждения: «Мы издаем монографии, учебники, хрестоматии, словари, переводы. Работаем в направлении академических изданий очень широкого спектра, и помимо этого развиваем совершенно новую область – цифровую литературу. В институте планомерно осуществляются проекты Национального научного фонда, и, что самое главное, во всей этой работе активно участвует молодое поколение ученых и исследователей».

В нынешнем симпозиуме принимали участие до 170 исследователей из Японии, Великобритании, Франции, Сербии, Польши, Болгарии, Украины, Литвы, Латвии, Турции, Армении и других стран, а также из научно-исследовательских и университетских центров Тбилиси и регионов Грузии. В рамках симпозиума работали секции: «Тема войны в современной мировой литературе», «Региональные и этнические конфликты и глобальные нарративы», «Мирные нарративы в литературе», «Тема войны и мира в визуальном искусстве и цифровых медиа».

Данный международный симпозиум был основан в 2007 году в Институте грузинской литературы. Каждый год от желающих принять в нем участие поступает несколько сотен заявок. Научный комитет симпозиума отбирает от ста двадцати до ста тридцати докладчиков. В рамках симпозиума проводятся как пленарные, так и тематические заседания, организуются круглые столы. Материалы Международного симпозиума ежегодно публикуются в двух томах.

Наталья Сорокина

«Я ПИШУ НЕ ПРО ВИНО, А ПРО ЛЮБОВЬ»

Анастасия ХАТИАШВИЛИ

«Грузинское вино будет существовать до тех пор, пока будет жить на Земле хотя бы один грузин» – так начинается увлекательное путешествие в страну вина от исследователя грузинского виноделия Натальи Сорокиной.

В 2026 году вышла ее книга «Сикварулс гаумарджос! или Беседы о грузинском вине». Это не путеводитель и не справочник, хотя справочного материала в ней предостаточно. Это разговоры с виноделами и людьми, живущими вином.

Однажды после поездки в Грузию Наталья, по собственному признанию, распрощалась с офисной работой, пошла учиться в винную школу и кардинально изменила жизнь. С тех пор прошло более десяти лет. Большую часть времени она проводит в Грузии: объезжает самые дальние регионы, ради хорошего вина готова пересечь всю страну, живет в семьях виноделов, многие из которых стали ей близкими людьми. Поэтому процессы, отношения и традиции, о которых она пишет, Сорокина знает не понаслышке. Она автор многочисленных публикаций о Грузии, ее виноделах и вине, а еще Наталья создает авторские винные туры и время от времени проводит дегустации.

О новой книге, о любви к Грузии и о том, как культура вина стала частью ее жизни, мы поговорили с автором.

– Наталья, вы живете в Москве. Как москвичка стала «своей» в винной Грузии, где вас зовут на дегустации, застолья и даже в горы?

– Я живу в Москве больше двадцати лет, но родом из другого региона. Специально «своей» я не становилась. Это просто мой путь, моя жизнь, которую я интересно проживаю с людьми, ставшими мне за эти годы близкими. Я радуюсь каждому дню рядом с ними и стараюсь ответить на то бесконечное тепло, которое от них получаю.

– Вы приехали в Грузию в 2013 году и, по вашим словам, ничего не знали о вине, а сегодня учите этому других. Где и у кого вы учились: по книгам, у виноделов, в школе сомелье?

– Да, о вине я действительно ничего не знала. Когда впервые приехала в Грузию, я даже мало пробовала вина, никто мне о нем ничего не рассказывал. Меня тогда тронуло другое: грузины часто не делают того, что им не нравится. Эта черта характера – нежелание прогибаться – меня впечатлила. А одна девушка сказала мне фразу: «То, что делаешь с любовью, обязательно получится!» Вернувшись в Москву, я подумала: почему я столько лет занимаюсь тем, что мне совершенно не нравится? Я работала в офисе, у меня была стабильная работа, хороший коллектив. Но это была рутина. Я экономист по образованию, работала администратором отдела, сопровождала проекты. И в какой-то момент, в очередной раз сев за компьютер, я поняла, что мне это абсолютно неинтересно. Сейчас могу сказать, что те

годы были днем сурка: все одинаково, монотонно, вспомнить нечего. Тогда я подумала, чем хочу заниматься, чтобы в том числе быть ближе к Грузии, и пошла в школу сомелье. Это было правильное решение, оно полностью изменило мою жизнь. Ни на минуту о нем не пожалела и благодарна себе за него. Шел 2013 год, только закончилось эмбарго. В московской школе сомелье никто не преподавал грузинское виноделие: нам читали лекции о виноделии разных стран, была практика и теория. Литературы о грузинском виноделии тоже почти не было. Была одна книга Николая Мехузлы 2003 года. Многие вещи в ней устарели, хотя теоретическая база – прекрасная. Автор не застал рост небольших виноделен, пришедшийся на последние лет пятнадцать. Поэтому все остальное я узнавала сама – от виноделов и из грузинских источников. Много информации я взяла из публикаций Грузинского винного клуба. Царствие небесное его бывшему президенту Малхазу Харбедия, который очень много для клуба сделал и написал. Читала книги и лично общалась с Гиорги Барисашвили, человеком-легендой, исследователем виноградарства и виноделия Грузии, который с детства грезил квеври и стоял у истоков возрождения производства вина по традиционной грузинской технологии. Но главное – я училась у виноделов. Очень многое мне дал замечательный человек и винодел в нескольких поколениях Гиорги Дакишвили. Первые дегустации помогал подбирать Бердия Беришвили, мы до сих пор прекрасно общаемся. Важные вещи о грузинском виноделии я узнала и у президента Ассоциации сомелье Грузии Шалвы Хецуриани.

– Как вы считаете, вино и виноделие можно выучить с нуля, как язык? Или без внутренней любви к вину и к стране дальше дегустационных карточек не уйти?

– Думаю, можно выучить. Если есть источники информации, почему бы и нет? Но нужен большой дегустационный опыт. Мало знать теорию, нужно много пробовать. Школа сомелье дает базу, а дальше – собственные наработки, и опыта как раз часто не хватает. Новичок может считать, что у сорта есть только определенные характеристики, шаг влево, шаг вправо – нельзя. А чем больше пробуешь, тем лучше понимаешь, что вариаций масса. У меня же любовь к вину началась с любви к стране. В моей концепции вино, люди и любовь всегда взаимосвязаны.

– Чему Грузия вас научила такому, чему нельзя научиться в школе сомелье?

– Школа сомелье учит разбираться в вине, а Грузия научила меня любви и дружбе, умению жить сегодняшним днем и радоваться каждому утру, толерантности и терпимости, тому, что есть не только черное и белое, но и множество оттенков. Научила внимательнее относиться к людям, к близким, к соседям, жить в обществе, в большой семье. И, конечно, Грузия дает бесконечное тепло.

– Очень понравилось, как вы пишете: «Когда начинаешь пить чачу с 5 утра, а в 6 стреляешь из ружья, и никто не вызывает полицию… Как я прожила без этого 3 месяца – не понимаю».

– Этот пост был связан со скандальными публикациями в соцсетях: некоторые приезжие и экспаты жаловались на шум, на то, что ночью кто-то что-то празднует и мешает спать, и грозились вызвать полицию. Было много негатива, поэтому с моей стороны это был юмор. Я тогда находилась в деревне, в ущелье, и там не то что не вызывали полицию, а радостно кричали: «Мальчик родился!» Уникальное умение относиться с пониманием и легкостью, принимать и прощать чужие недостатки, жить рядом и поддерживать друг друга. Когда я приезжаю в Москву, мне не хватает этого постоянного общения, людей рядом, тепла и поддержки. Просыпаешься, к примеру, в деревне в Самегре-

Винная дегустация с Натальей Сорокиной

ло, выходишь во двор и сразу здороваешься с соседями, а вокруг кошки, собаки, весь этот легкий дурдом – потому что все постоянно вместе. Тем, кто следует последней моде на личное пространство, это трудно понять. А я получаю колоссальное удовольствие. Вот чего мне не хватает между поездками – легкого дурдома, людей, близких, участия, поддержки, тепла. Это надо прочувствовать и полюбить.

– Как вы выбираете тех виноделов, о которых хотите рассказать читателю?

– Обычно все начинается с вина: у кого хорошее вино. Мы начинаем общаться, становимся друзьями, и я у них останавливаюсь. Не могу остановиться у людей, которым не могу ответить взаимностью. За двенадцать лет некоторые стали мне не просто друзьями, а близкими, семьей: я приезжаю и живу у них. Так что я не выбираю, я просто дружу с этими людьми. Это складывается годами.

– Что нужно, чтобы вы задержались и не уехали до заката?

– Интересное вино и интересный человек. Обычно это взаимосвязано и работает в обе стороны: у человека без богатого внутреннего мира не получится интересное, сложное вино. Никогда. Бывало, я пробовала вино и хотела познакомиться с виноделом. Бывало, видела человека, мне говорили, что он делает вино, и я просила попробовать, потому что по человеку видно, что там будет что-то интересное. А бывало наоборот: меня, зная, что я специалист, уговаривают попробовать вино, я смотрю на человека и понимаю, что ничего хорошего там не будет. Это срабатывает почти всегда, ошибалась я в единичных случаях. Когда вино интересное и есть что обсуждать, мы засиживаемся. От некоторых виноделов невозможно быстро уехать. Обычно это настолько большие и интересные люди, что ты не просто пробуешь вино, а получаешь много информации и размышлений о жизни, о близких и понятных вещах. Не только я засиживаюсь: в некоторых винных турах людей приходится буквально отрывать от виноделов. И я прекрасно знаю, что так будет всегда.

– Вы не любите делать винные туры в сезон ртвели и называете праздник для туристов «аттракционом». Где, по-вашему, граница между аттракционом и настоящим знакомством с виноделием?

– Сейчас такой бум, и гиды предлагают одно и то же: приехать, собрать несколько гроздей, потоптать их ногами (часто приводят в пример фильм с Челентано), потом весело посидеть за столом с вином. Такое имеет место быть, и я понимаю, что люди хотят увидеть такой праздник. Но я знаю, как выглядит настоящее виноделие. Я видела глаза винодела, который работает всю ночь. У такого человека нет сил на праздник, даже за стол сесть, даже поесть никто не хочет, только лечь спать. Это очень тяжелый труд: не спишь, каждые два-три часа перемешиваешь вино, путаешь день с ночью. В это время с виноделом общаться невозможно. Поэтому я не трогаю настоящих, хороших виноделов в сезон урожая, особенно в первые две недели переработки: человека нельзя дергать. Я понимаю, когда такое устраивают для туристов, но к настоящему ртвели это отношения не имеет. Есть маленькие винодельни, которые устраивают такие шоу, чтобы привлечь туристов, а серьезные виноделы этим занимаются редко. Я все-таки специалист по вину, и такие аттракционы устраивать не люблю.

– Вы писали, что в книге прежде всего хотели передать ощущение Грузии. Если выбрать одну сцену, которая объясняет это ощущение лучше всего…

– Моя книга – не список мест. Виноделен, в которых я побывала, гораздо больше. Это попытка передать мое восприятие Грузии через людей и через вино. Вся жизнь в Грузии происходит вокруг вина: грузин с вином рождается, растет, умирает. В книге все это взаимосвязано, в ней собраны основные понятия и главные тосты, существующие в Грузии: дружба, родина, гости, взаимопонимание. И красной нитью, конечно, идет любовь. А если выбирать одну сцену… Наверное, самое сильное – три текста о покойном виноделе Мамуке Чачхиани. Книга заканчивается его тостом за любовь. Встреча с Мамукой и разговоры с ним – самое сильное, что есть в книге. Это мое ощущение: на меня это всегда влияло и переворачивало.

– Вы печатаете книгу сами, на свои деньги, небольшим тиражом. Почему не пошли в издательство и что для вас значит держать всю цепочку в своих руках?

– У меня был неудачный опыт с издательством: очень сильно затянули время, и мне совершенно не нравится биться за свои фотографии для иллюстраций. Сейчас у меня все так, как я хочу: те фотографии, которые

я хочу, и та обложка, которую я хочу. После полутора лет общения с издательством я пришла к выводу: хочешь сделать хорошо, так, как хочешь ты, – сделай сама. Другие издательства тоже предлагали, но у меня нет столько времени, чтобы тратить его на переписки с дизайнерами и обмен файлами. Я решила выпускать самиздатом. Средств на большой тираж у меня нет, зато есть то, что я сделала сама, с нуля, с близкими. Мне было очень комфортно работать с сыном и его крестной. Это небо и земля по сравнению с теми полутора годами мучений. Мы сели с сыном, который понимает меня с полуслова, с полувзгляда, и все сделали. Я очень довольна. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы книга вышла и на английском, и на грузинском языках.

– Ваши друзья-виноделы говорят: «Вино – для свободных людей, рабам вино не нужно». Кажется, автор этих слов – Бека Гахария…

– Да, его цитата. Он сказал это, когда я впервые приехала в Самегрело, в Мухури, еще до ковида. Бека имел в виду внутреннюю, скорее духовную свободу и возможность воспринимать и принимать вино через эту свободу, вне каких-либо ограничений.

– Этот же винодел сказал: «Если бы у нас было много денег, у нас не было бы столько любви». Вы согласны?

– Да, абсолютно. Поэтому дворцам я предпочту горные деревни. Люди там живут небогато. Когда появляются большие блага, люди начинают зацикливаться на материальном. Это просто мои личные наблюдения: в регионах, там, где люди живут вместе и друг друга поддерживают, я вижу колоссальную любовь, а там, где есть материальный достаток, такого не вижу. Поэтому я сознательно предпочитаю жить далеко, в деревнях: больше любви, чем в этих домах, я нигде не видела и не получала. Деньги, конечно, нужны, но не как цель, а для того, чтобы накрыть стол, позвать друзей, помочь другу.

– По вашим словам, вы завидуете «сама себе» в те моменты, когда рядом люди, которым можно доверять…

– Я имела в виду, что иногда сама завидую своей жизни. Я умею ценить моменты и знаю, что они быстро проходят, поэтому часто как бы останавливаю свою жизнь в моменте и смотрю на нее со стороны. Когда рядом близкие люди, а в моей жизни, к счастью, их много, это для меня ценно. У меня нет родных братьев и сестер, но есть много людей, ставших мне очень близкими. Когда я с ними рядом, это дорогого стоит.

– Вы пишете, что боитесь только потерять людей и что грузины научили вас не бояться смерти.

– Я много раз говорила, что не боюсь ничего, кроме потери людей в своей жизни, причем не только физической: бывает, что разочаровываешься в человеке, и это тоже болезненно. В принципе, можно исправить все, кроме смерти. А грузины научили меня не бояться смерти. У нас в стране эту тему обходят, а здесь она настолько естественна… Это часть жизни, особенно в деревнях, где похороны бывают чаще свадеб. За двенадцать лет я ни разу не была на грузинской свадьбе, а на похоронах была. Долгое время я жила в мегрельской деревне. Мегрельские похороны – отдельная тема, думаю, по всей Грузии это известно. Человека нужно правильно проводить: женщины должны отплакать, мужчины поклониться, все друг другу помогают. Так легче пережить этот момент. Бывали случаи, когда плакала вся деревня. В такие минуты начинаешь не то чтобы не бояться смерти, а больше ценить жизнь и тех, с кем можешь провести время рядом. Сильно ощущаешь конечность жизни. В Грузии пьют за ушедших, как за живых, – чокаясь: пока их помнят, они живы. Мне это отношение очень близко.

– Вы рассказывали о Гоче, который любит «рыбаться». Смешное и грустное в ваших текстах соседствуют. Как вы решаете, что из сказанного за столом можно нести в книгу?

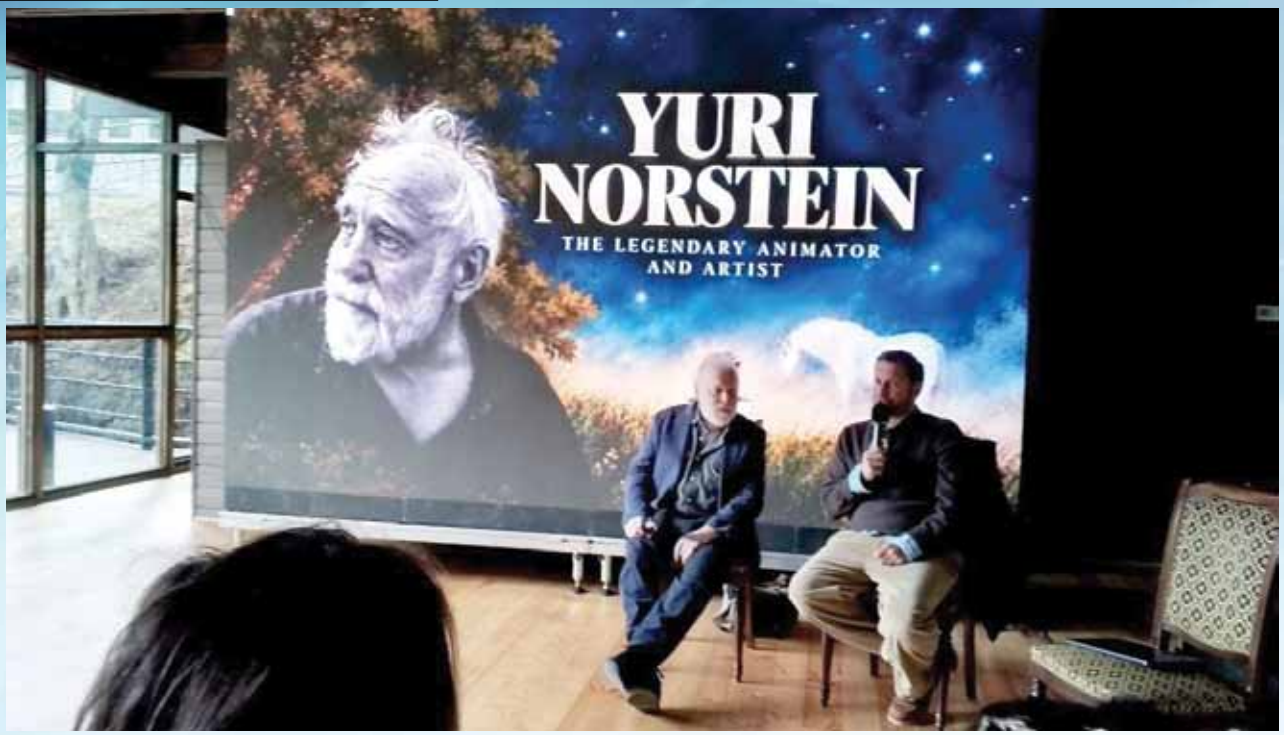
– История о Гоче и его любви «рыбаться» не из книги. У меня вообще много историй, которые я нигде не публиковала и могу рассказывать только устно, при личном общении, до бесконечности: и грустных, и смешных. Кстати, именно в Грузии я начала понимать грузинское кино. До этого я многого не понимала, а здесь научилась замечать. Когда что-то происходит, во мне просыпается писатель, я начинаю замечать больше и смотреть на все как будто кинематографически.

– Вы называете книгу «очень важной частью жизни» и пишете, что планируете продолжить. Что будет дальше: другой регион, другой жанр? Поделитесь идеями.

– Да, я не раз говорила, что эта книга – важная часть моей жизни. Это просто моя жизнь, квинтэссенция двенадцати лет. Я планирую продолжить. О вине и виноделах, конечно, буду писать. Но в последнее время меня словно кто-то сверху подталкивает: мне стали встречать-

ся просто человеческие истории, уже рядом с вином, а то и просто грузинские. Люди рассказывают мне свои истории, и каждая из них – готовый сценарий фильма. Поэтому я хочу перейти именно к человеческим историям: я очень люблю людей и жизнь. Буду писать, сколько Бог даст сил и жизни. Хочу быть рядом с Грузией и писать о ней, о людях, о своих ощущениях и, естественно, о вине.

Юрий Норштейн и Резо Гигинеишвили

КИНО – ЭТО ЖИЗНЬ

Соб. инф.

Знаете ли вы, что в предместье Тбилиси, в селе Кикети совсем недавно произошло событие, безусловно радостное и ждущее продолжения? Запомните название: кинолагерь «Rezo's Film Camp».

Главным гостем первого дня кинолагеря стал создатель «Сказки сказок» и «Ежика в тумане» Юрий Норштейн.

Открытие прошло в изумительном месте – на территории комплекса Kiketi Farm. Участников и гостей пригласили пройти по живописной тропе среди лугов, на которых паслись ослики, лошади, овцы, к залу просмотров. По пути все надышались чистейшим воздухом и пообщались с природой и друг с другом. Шли группами и порознь, кто-то встретил старых знакомых, а кто-то разговаривал с новыми, вереницей – люди совсем молодые. Лекция Юрия Норштейна стала первым событием нового начинания.

Это была не столько лекция, сколько беседа с людьми молодыми и немолодыми, среди них были и знаменитости, а больше всего – молодежи. Юрий Борисович ответил на множество вопросов, среди которых случались наивные, почти детские. Например: «Я с детства очень любила ваш фильм «Ежик в тумане», но не пойму, почему люблю и сейчас?» Все рассмеялись. Норштейн ответил вполне серьезно. Он сказал, что кино – процесс не быстрый, чего только ни успеешь подумать… И вдруг – все понимаешь. Вот Ежик долго дружил с медвежонком, каждый вечер они вместе смотрели на звезды, все было так хорошо… Но однажды случился туман, и Ежик в нем потерялся, и увидел такое, чего не видел никогда. И медвежонок звал его неизвестно откуда. Вот тогда вы этот фильм и полюбили – на сочувствии. Оно делает нас людьми, любящими существами. Кое-кто из животных тоже умеет. Мы – сочувствуем всей душой. Значит, душа у нас есть…

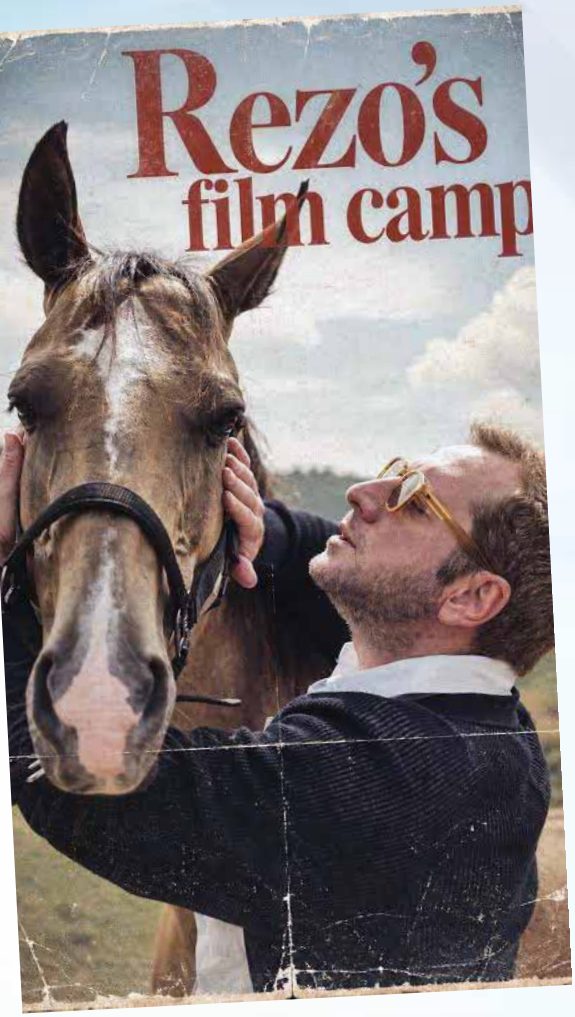
Известно, что в мире существует множество кинофорумов, кинофестивалей, кинолек-

Юрий Норштейн

ториев… Но, похоже, в Грузии придуман и впервые опробован новый формат творческого и свободного общения кинематографистов и кинозрителей.

«Идея кинолагеря родилась из моего многолетнего опыта съемочных экспедиций, – рассказывает кинорежиссер и продюсер Резо Гигинеишвили, – во время работы над фильмами «Любовь с акцентом» и «Заложники». На съемки приезжали выдающиеся артисты – Инна Чурикова, Олег Басилашвили... Получилось так, что сама работа над фильмом стала признанием в любви всей съемочной группы к Грузии. Каждая такая встреча становилась не только частью кинопроизводства, но и важным культурным событием, опытом человеческого общения, взаимного уважения и любви между людьми разных национальностей, объединенных искусством, да и гостеприимством Грузии. Постепенно возникло желание превратить этот опыт в самостоятельное культурное пространство – чтобы кинолагерь в Грузии стал постоянной территорией творческой свободы, местом, где художники со всего мира могли бы свободно представлять свои фильмы, разговаривать друг с другом и, не менее важно, со зрителями. Не случайно нашу первую, многое определяющую встречу в минувшем октябре открыл Юрий Норштейн. Это было счастье для всех. Многочасовое, близкое, почти родственное общение. Как мы и хотели, разговор шел как о чуде кино, так и о чуде жизни… В будущем году надеемся пригласить Илью Хржановского, Андрея Звягинцева и других выдающихся кинематографистов с их работами. При этом принципиально важно, чтобы кинолагерь «Rezo's Film Camp» не превратился в «закрытый элитарный клуб». Безусловно, камерность и возможность непосредственного общения с художниками составляют важную часть замысла. Но не менее существенно, чтобы встречи с большими мастерами были доступны и широкой публике. Для нас и для кинематографа важно, что кинорежиссер Александр Сокуров представил свой фильм «Сказка» в большом кинотеатре Тбилиси и встретился со зрителями. Это просто драгоценно, что Александр Николаевич вновь увидел свою публику, почувствовал ее любовь и смог поговорить с людьми, которые давно ждали этой встречи… Кино не существует отдельно от жизни. Кино и есть жизнь, ее переживание и творческое осмысление. Думается, что и площадка Kiketi Farm, на которой развернулась наша первая встреча, – идеальна. Здесь природа, история и комфорт существуют в гармонии друг с другом. Это пространство создано для вдохновения, общения и погружения в атмосферу грузинской культуры, где кино становится частью жизни, а жизнь – частью кино».

За четыре дня участники кинолагеря встретились, посмотрели «Сказку сказок» Норштейна и «1001 рецепт влюбленного кулинара» Наны Джорджадзе, обсудили фильмы Резо Гигинеишвили «Заложники» с писателем Дато Турашвили и «Пациент № 1» со сценаристом Александром Родионовым. Побывали в Театре марионеток Резо Габриадзе на спектакле «Осень моей весны». Завершилась кинопрограмма показом «Сказки» Александра Сокурова в кинотеатре Cavea City Mall, где режиссер лично представил картину и ответил на вопросы зрителей. А еще каждый день в кинокэмпе звучала музыка. За музыкальное настроение отвечали гитарист-виртуоз Хвича Маглакелидзе, певица Мариам Роинишвили, Сандро Бабич с музыкальной сессией Sound Healing и ансамбль «Shvidkatsa».

Александр Сокуров

Уже следующей весной Резо обещает повторить Film Camp, который точно станет площадкой для общения и обмена опытом признанных мастеров и молодых кинематографистов. Организаторы хотят сохранить камерный формат, а некоторые встречи, как и в этот раз, сделать доступными широкой публике.

ДОМ НАВСЕГДА

Документальный роман

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Продолжение

С февраля 2026 года «Русский клуб» публикует главы из первой части романа «Дом навсегда». Это мир Тбилиси 80-х годов прошлого века. Но сегодня мы выбрали к публикации главу, в которой все происходит в наше время, почти вчера. Роман документальный, и пишется автором сейчас. И текст, что перед вами – по сути продолжение новости на предыдущей странице журнала. Анна Бердичевская участвовала в качестве гостьи на кинопразднике в Кикети, который открыл Юрий Норштейн. Он и пригласил нашего автора. Глава из романа – как бы небольшое документальное кино, не снятое, но рассказанное прозаиком. В этом «док.фильме» не обошлось без путешествий во времени автора вместе с его главными героями – Юрием Норштейном и Жанри Лолашвили. И открывается обстоятельство, связывающее Юрия Борисовича с Грузией… Ничего особенного, дело простое – дружба. Юрий Норштейн и Жанри Лолашвили – друзья с юности со стажем в 65 лет.

«Русский клуб» сердечно поздравляет обоих с юбилеем дружбы! А Юрия Борисовича – еще и с 85-летием!

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Я люблю грузинскую осень, вот и в этом году купила авиабилет в Тбилиси на 1 октября. В день перед вылетом у меня в Москве раздался телефонный звонок. Услышала давно знакомый голос:

– Аня, это Юра, я через три дня лечу в Грузию, совсем ненадолго. Помоги мне найти Жанри! Как он? Я потерял его телефон!

Это был Норштейн, который, насколько знаю, со времен нашего знакомства в прошлом тысячелетии, пользуется кнопочным телефоном, бесхитростным, без всяких мессенджеров. По моим наблюдениям, Юрий Борисович куда бы то ни было звонит редко, в его полной чудес мастерской, что недалеко от метро «Войковская», есть стол, на нем стоит старый коммутатор с автоответчиком, в который стекается информация, а по «всяким мессенджерам» шефа как-то да связывает одно из главных чудес мастерской – помощница Таня. Но в момент поисков Юрием Борисовичем Жанри Георгиевича она, по-видимому, занималась чем-то другим… Ну, я немедля отыскала и продиктовала номер телефона, а заодно и домашний адрес Жанри Лолашвили, который и на самом деле не очень здоров… Но точно поздоровеет, когда увидит Юру. И сказала, что тоже буду в Тбилиси, но не через три дня, а уже завтра.

– Отлично! – ответил Норштейн. – Значит, встречаемся у Жанри! Самолет прилетит третьего октября, под вечер. Устроитель пообещал, что меня из аэропорта привезут прямо к

Жанри, – Юрий Борисыч выдохнул. – Понимаешь, я так давно не был в Грузии... Хочу увидеться с Жанри. А времени – всего два дня. От Жанри меня повезут в какое-то место, говорят, чудесное. Но цейтнот! Получится – я лечу на полтора дня в Грузию, затем в Армению и оттуда – в Италию. Ну, до встречи!

До встречи…

В последние годы мы видимся редко, разве что на книжных ярмарках в Гостином дворе, где Норштейн, непременно сам, продает книги с изумительными иллюстрациями Франчески Ярбусовой. К нему всегда выстраиваются длинные очереди. В них люди знакомятся, разговаривают, улыбаются друг другу. Ждут встречи с «Ежиком в тумане» или с Волчком из «Сказки сказок». Еще встречаются в нашем мире такие очереди…

В мастерской на метро «Войковской» в последний раз я была десять лет назад, на 75-летии хозяина.

Кажется, что вчера. А вот сейчас у него цейтнот 85-летия: его очень ждут сразу в трех странах. Но главное – встретиться с другом юности, с Жанри Лолашвили.

Я сразу-то, с телефоном в руке, не успела, но после – порадовалась! И за Жанри, и за себя, что увижу сразу обоих. И за Грузию, где его любили и любят, где наконец-то люди, причем наверняка хорошие, старые и молодые, услышат, что Норштейн думает о важных вещах. О детстве и старости, о кино, о прошлом и будущем. О жизни!

И о счастье – даже в смутные времена.

NB *Счастье в смутные времена? Да, именно так. То есть – особенно в смутные времена. Я знаю, у меня есть опыт. Однажды в Москве, в смутное для очень многих людей время – в девяностые годы – мой тбилисский друг, гениальный актер театра Руставели Жанри Георгиевич Лолашвили, взял да проездом с гастролей через Москву в Тбилиси сдружил меня с Юрием Борисовичем Норштейном, постановщиком «Сказки сказок»[1], очень просто – по счастливому случаю, но и по необходимости: из-за смутности времен... Все объяснится, но после. После.*

ДВА ШКОЛЯРА, ДВА ГЕНИЯ, ДВА ДРУГА…

Не все знают, что юный обитатель района Марьина Роща в Москве Юрий Норштейн в 18 лет успешно поступил на двухгодичные курсы мультипликаторов. И совсем мало кто знает, что на эти же курсы тогда же поступил молодой кахетинец, родившийся в Тбилиси, – Жанри Лолашвили. Оба закончили учебу в 1961 году, когда Жанри было 19, а Юрию – 20 лет. Были ли они удовлетворены вполне своим двухгодичным образованием или собирались его продолжать?

Из Википедии: «Норштейн после курсов семь лет работал на киностудии «Союзмультфильм» одним из многих художников-мультипликаторов, участвуя в создании примерно пятидесяти фильмов». Думаю, что для него это время как раз и стало чем-то вроде «технического вуза» – вещь необходимая, если хочешь овладеть профессией. И только в 1968 году, в 27 лет, его назначили сорежиссером известного мультипликатора Ивана Иванова-Вано. Можно считать, что он таким образом «как бы поступил в аспирантуру». Если так, то скорость прохождения этапов советского высшего образования у Норштейна вполне нормальная, «не обидная». И у Лолашвили поначалу все похоже. Разве что тбилисец уехал на родину и работал мультипликатором на «Грузия-фильме». Какая разница – друг-москвич на своей родине, в своей столице. Но жизнь у них пошла разная. Уж я-то знаю (при всей любви) – Грузия не Россия, и Москва не Тбилиси. Там и там – другая жизнь… Похоже, их школярская дружба осталась в Москве, в оттепельной юности, на двухгодичных курсах...

Пока они оба оставались мультипликаторами, общая и довольно редкая специальность могла их как-то связывать: через коллег, конференции, фестивали… Но вдруг Жанри в Тбилиси как-то растаял, исчез…

Все же какая-то странная у них была двухгодичная альма-матер. Заглянула в Интернет. Кто-то про причастность к ВГИКу намекает, что были такие курсы при режиссерском факультете, кто-то на «Союзмультфильм» ссылается, а даты не сходятся. Вряд ли это было ПТУ, но даже если это была церковно-приходская школа, учителя там, судя по этим двум ученикам, были классные, и что-то в своем странном деле они точно понимали. Были ли на курсах конкурс при поступлении, стипендия во время учебы? Самонадеянно полагаю, что ребят брали по принципу «вообще разнообразно одаренных», не очень важно – в чем именно. Скорее всего, тех, кто рисовать любил, или, как Юра Норштейн, поучился в детстве в художественной школе, кто-то книжки читал, кто-то просто мог отличить хороший

Юрий Норштейн

[1] *Просто напоминаю: этот мультфильм был признан по опросам игрового сообщества кинокритиков «величайшим анимационным фильмом всех времен».*

мультик от плохого. Но хорошо бы, если студент умеет и штуку какую смастерить из бог весть чего, полезную или смешную. Мало ли чего в мультипликации может сгодиться. Признаюсь, ничего такого мне ни Юра, ни Жанри не рассказывали.

Но зато знаю от них же, что заметили они друг друга на курсах – сразу. С юными гениями такое бывает.

NB *Господи, как же они через несколько десятилетий друг о друге рассказывали! Рассказывали о своем далеком, но близком друге. Жанри в Тбилиси – о Норштейне, а Норштейн в Москве – о Жанри! Посчастливилось мне раза два-три за жизнь видеть и слышать. Не часто. На то и чудо, что явление не частое. С гениальной зоркостью, но и с ребячьим восхищением рассказывали двое друг о друге! Как это важно, особенно в молодости, такое вот неодиночество – присутствие друга, даже когда он живет своей жизнью за две тысячи верст от тебя. Просто каким-то Царскосельским лицеем оказалась для них двоих эта бурса. Восторг!*

Например, Юрий Борисыч со страшно смешными, не очень приличными, но столь же трогательными подробностями рассказывал мне о пантомиме «Мужчина в бане», которую студент Лолашвили подготовил для серьезного экзамена по анимации. Логика у студента была железная, ведь *animatio* в переводе с латыни означает *оживление*, и даже более того – *одушевление*. Не это ли самое, дорогие мои, происходит с мужиком в бане? Конечно же, имели место повторения на бис, и всякий «мужик в бане» оживал по-новому, и зрители хохотали все и всегда – до слез. Возможно, кто-то из курсантов и позабыл. Но в памяти друга этот шедевр остался до 85-летия.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Итак, смех и слезы публики при полном сочувствии к персонажу драмы. Причем актер Лолашвили, сам, на сцене и на экране – не помню, чтоб рыдал. Жил – и все.

Я примерно с 1985 года знаю: это было главное для потрясающего актера Жанри Лолашвили. Каждая роль – это его жизнь. А иногда и смерть. Почему уж там зритель смеется или рыдает – его не касается…

Так было и в удивительных киноминиатюрах Саши Рехвиашвили, где Жанри – странный, изрядно тормознутый герой, который живет на свете в каком-то своем тихом счастье. Но иногда замечает чужое неблагополучие, испытывает странную боль, молча страдает, смешно и нелепо пытаясь помочь. Или в моем любимом фильме Наны Джорджадзе «Робинзонада, или Мой английский дедушка», где Лолашвили – английский телеграфист, прибывший в Кутаиси, чтоб охранять собственность Британии – все телеграфные столбы и провода всемирной линии связи, проходящей по территории Грузии. А в Закавказье-то начинается Великая социалистическая революция!

Может, я здесь слегка путаюсь в служебных обязанностях героя фильма, но навсегда помню любовь телеграфиста к смешной и чудесной грузинской девушке, и как он гибнет, защищая британские столбы и свою потрясающую любовь…

Снова – смех сквозь слезы у зрителей. И тайны любви. Каждый раз по-новому. И каждый раз – правда.

А постановки Роберта Стуруа в театре Шота Руставели! Шут в «Короле Лире» в исполнении Жанри – возможно, самое неожиданное и пронзительное прочтение этой роли… Весь целиком гениальный спектакль, и шекспировский шут в нем – неожиданен совершенно: такой неглупый, слегка эксцентричный толстенький господин в черном котелке и белой манишке, маленький человек, верный королю и заботящийся о нем, наивный до честности, и честность его проста и мудра. Самым естественным образом – очень смешной-смешной, но почти не шут. Он – самый последний дружок Лира над бездной безумия… А король-то его и – убивает. Такие дела. Такой вот шекспировский персонаж. На весь театральный мир, полагаю, – единственный! Спектакль великий, не зря же он объездил весь мир с огромным успехом, побывал на всех континентах, кроме, разве что, Антарктиды.

Вот и думаю я, что два эти парня на двухгодичных курсах мультипликаторов совершенно точно знали, чем хотят и будут заниматься в жизни. Настоящим искусством, вот чем. Чтоб без дна и покрышки!

Это обоим удалось вполне.

Но в каком именно виде искусства собирались они работать? Вопрос непростой. Для Норштейна он был решен, по-видимому, навсегда и сразу. А вот Жанри своего друга Юру однажды всерьез удивил. Знаю об этом сначала от Норштейна.

СЛУЧАЙНО, В КРЕМЛЕ…

1979 год. Обоим под сорок, женаты, дети растут, работы полно. Видятся радостно, но очень редко. И вот представьте себе – «случайно встретились в Кремле на вручении государственных премий СССР» (точная цитата со слов обоих друзей). Зная обоих – верю. Все так и было. Но что поразило Норштейна? Не то, что оба получили по премии в один день и в одном труднодоступном артисту месте. Ну, что ж, это просто счастливое совпадение. Ну, бывает! Хороший повод обнять друга. Но Норштейн получил свою награду в русле той самой программы, которой обучали их обоих с Жанри на двухгодичных курсах замечательной и редкой специальности: режиссер-мультипликатор. А Лолашвили, к изумлению Норштейна, был награжден как драматический актер театра имени Шота Руставели за роль ведущего в спектакле по Брехту «Кавказский меловой круг»! Как так?!

В 1979 году они перестали быть коллегами. Но восхищение друг другом и понимание без слов – не потеряли.

И когда-то, уже после государственных «непарных» премий, Норштейн сказал мне странную вещь: что он не сразу, но понял уход Жанри из профессии режиссера мультипликации. Потому что друга в какое-то время посетило острейшее желание: стать мультиком – самому! Чтоб – живым, и с совестью, и с душой, с несчастьем и с ра-

достью! В общем – быть актером.

Но когда все, что хотел сыграть в театре, потрясающий актер Лолашвили сыграл, он заглянул в новое бесконечное пространство – в тайну живописи. И нашел свой путь.

О ДРУЖБЕ В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Первым познакомил меня с режиссером фильма «Ежик в тумане» живой ежик. Он жил у нас в деревне Кокшарово в старом кулацком доме, из которого хозяев выселили в тридцатые годы. Ежик поселился под нашей с мужем кроватью. Был он деловым: ночами отчетливо топал и шуршал по всему дому – искал старые газеты, чтобы под нашей кроватью вить гнездо для своей будущей семейной жизни. Потом, во время одной из городских зим, я увидела фильм «Ежик в тумане». Конечно же, полюбила его навсегда. А как-то по телевизору показали и режиссера Норштейна. И я немедленно вспомнила нашего ежика. Очень похож! И на героя фильма, и на постановщика.

Вторым был Ролан Быков, в 1992 году. Времена стояли невероятные… Кто помнит – тот знает, и моему рассказу не удивится. Уйма людей стали бомжами в самом буквальном смысле – без определенного места жительства. В том числе я. Одна из сотен тысяч, а может быть, миллионов граждан СССР. Прилетела в Москву из Тбилиси под осень 91-го, без денег, без паспорта и без спортивной сумки, в которой лежало все абсолютно необходимое. Сумку я бросила в аэропорту, чтоб пробиться сквозь толпу при посадке в самолет, возможно, последний, на который у меня чудом был билет. А в Тбилиси не было электричества, воды, бензина, продуктов. Дочь была в Москве у бабушки, моей бывшей свекрови… Но и Москва чувствовала себя примерно как после цунами, когда волна, многое разрушив или унеся за горизонт, оставшееся как бы вывернула наизнанку, приведя в негодность…

По опыту знаю: единственное, что в таком вот, невероятном мире спасает, это простое человеческое сочувствие незнакомых людей друг к другу. Но лучше – дружба. Тогда, в смутные-то времена, она возникала, особенно с друзьями друзей. А тогда, повторюсь, время было не просто смутное, а невероятное. Меня привел к Ролану Быкову Владимир Железников, автор сценария фильма «Чучело», человек не слишком знакомый, но симпатичный. Я брала у него года два назад интервью для тбилисской «Вечерки», поводила по городу – он был в Тбилиси впервые. Владимир Емельянович оставил мне телефон. Я ему позвонила, сказала, что вот ненароком в Москве. Сразу откликнулся. Сказал: «А давайте-ка встретимся на Чистых прудах, в Фонде Ролана Быкова?» Вот и все. Мы встретились, Железников познакомил меня с Роланом Антоновичем, а к нему зашел Норштейн, которого Быков обожал, и сразу же попросил меня сделать интервью с автором «Ежика в тумане» по поводу его работы над «Шинелью» Гоголя… Конечно же, я захотела! А Норштейн упирался, говорил: «Не время», но как-то дрогнул и сказал мне: «Пошли!» Так я попала в упомянутую чудесную мастерскую недалеко от метро «Войковская». Я там посмотрела отрывки «Шинели», уревелась от восторга (я из плачущих зрителей). Но интервью Норштейн так и не дал. Потому что – не время. Но сказал, что могу приходить и смотреть, как он снимает фильм на своем гигантском, многослойном станке для «перекладок». И я к нему стала изредка захаживать и смотрела, смотрела…

Через какое-то время жизнь моя не то, чтоб стала налаживаться, но появилась работа, которую я сама себе придумала: деловой журнал «Бизнес Матч». Я его официально зарегистрировала по справке о потере паспорта, выданной отделением милиции Белорусского вокзала. Я же говорю – времена были невероятными! Но это, впрочем, другая история для, возможно, другой главы книги о домах и людях, людях и домах… Добавлю только, что редакция журнала разместилась на седьмом этаже дома на Чистопрудном бульваре – в Фонде Ролана Быкова…

«К ФРАНЕ В КРАСНУЮ ПАХРУ…»

Прошло с полгода или год, и вот в моем маленьком кабинете на седьмом этаже известного здания раздался телефонный звонок. Я взяла трубку, услышала чей-то глубокий вздох, сказала: «Але!» – и трубку тут же повесили. Через несколько секунд снова звонок, и раздался незабываемый голос, произнесший с грузинским акцентом: «Але, Ромашка? Это Сокол!»

Это был Жанри Лолашвили, а никакой не Сокол. Старый, любимый друг. Два года не было от него ни слуху ни духу. В своей обычной манере он сразу перешел к делу: «Завтра в три часа мы с тобой встречаемся на «Войковской», ты ведешь меня

в мастерскую Норштейна, и мы сразу все вместе едем к Фране в Красную Пахру». Раздались какие-то всхлипы и бульканье, после чего Жанри продолжил: «Это Юра передает тебе привет. Мы с ним пьем пиво в какой-то хинкальной». Все! Как всегда, он мне и слова сказать не дал.

Назавтра так все и вышло. Встретились в метро, пошли к мастерской… А там, неподалеку от входа в мастерскую, прохаживался Норштейн, ждал нас. Шел снег. На Юрии Борисовиче была клетчатая рубашка, шорты, и прохаживался он по чистому снегу – босиком. «Он что, всегда так?» – спросил меня тепло одетый Жанри Георгиевич. Я не знала. «Часто!» – ответил другу Норштейн. И мы зашли в мастерскую…

Вначале Жанри молча походил, вопросов не задавая. Потом посыпались вопросы и ответы, потом чаепитие, и сумерки замаячили… И вдруг – все, бегом марш! Норштейн: «На электричку опоздали! Франя не простит!»

Поймали такси. И торжественно отправились к Франческе Ярбусовой, жене Норштейна, в Красную Пахру.

Приехали почти затемно, но Франческа Альфредовна Норштейна простила. За то, что он привез-таки Жанри Георгиевича (он же Жанрик и Жаничка). Она до конца не верила. Но все сошлось и стало прекрасно. Да, все там было – прекрасно! И ее рабочий стол, и ее рисунки на нем, и колонковые кисти в глиняной кружке… Все это я рассмотрела и описывать здесь не берусь. Раз вы смотрели фильмы Норштейна, то знаете, с каким изумительным художником он работает… На стенах гостиной – несколько станковых работ, не только ее, но тоже прекрасных… В комнату вошла огромная белая пуделиха. По имени – Марфа. Нестриженная красавица, с прелестными бантиками на лохматой голове – чтобы патлы не лезли в глаза… И, конечно, – стол в центре гостиной, как положено, накрытый крахмальной скатертью – с закусками и приборами, почти как на Рождество, с фарфоровой супницей, с ватрушками и пирожками, с солениями… А также со стеклянным графинчиком и темно-зеленым штофом в центре стола.

Жанри с Франческой о чем-то разговаривали, мы с Норштейном закусывали. И вдруг погас свет.

– Это случается, – сказала Франческа. Она поднялась, чтоб зажечь свечи – они стояли на столе наготове, в подсвечнике, а Юрий Борисович принес еще и керосиновую лампу. Жанри сидел рядом с хозяйкой и – сиял!

– Ну пусть они здесь пошепчутся, им всегда есть о чем, – сказал Норштейн. И добавил, подумав: – Я хочу кое-что тебе показать, пошли погуляем.

Мы оделись. На улице была почти что зима и темень. Только небо светилось и, как бы, слегка колыхалось, видимо, от близости города.

Мы шли вдоль шоссе, по которому шныряли, фырча, машины с зажженными фарами, а дальше, на фоне неба, проступали темные, но прозрачные перелески за перелесками.

И вдруг я поняла, где все это видела. Поделилась с Норштейном:

– Это же из «Сказки сказок»... Вот это все: машины несутся по шоссе, фары слепят, а Волчок думает, перебегать ли ему к лесу или нет?

– Угу, – подтвердил мой спутник. – Волчок родом отсюда, из Красной Пахры. В «Сказке сказок» отсюда много чего. Но что-то, конечно, из Марьиной Рощи…

Когда мы подошли к даче, окна светились вовсю. Электричество вернулось.

С тех пор мы с Юрием Борисовичем довольно редко встречаемся, но постоянно дружим.

3 ОКТЯБРЯ 2026 ГОДА. ВСТРЕЧА В ТБИЛИСИ

После телефонного звонка Норштейна, с которого все началось, раздался еще один его звонок, еще более короткий, но вразумительный: «Прилет самолета 3 октября в 17:00, но может и задержаться. Жди дома у Жанри». Я пришла позже, но дома, кроме Жанри и его любимой тещи, не было никого. Она мне и открыла. Разговаривали с Жанри, как обычно, но о том, что Норштейн приедет, и речи не было… Но вот пришла Татули, жена Жанри – красивая, и с большим белоснежным бумажным пакетом, впору бальные платья или театральные костюмы в нем носить, чтоб не помялись. Но в нем оказалась уйма всяких грузинских вкусностей! Тут я поняла, что о госте умница хозяйка знает и готова принять. Поздоровались, и она на кух-

«Сказка сказок»

Юрий Норштейн, Татули Долидзе и Жанри Лолашвили

ню отправилась.

Татули Долидзе… Божьей милостью актриса! Я помню ее в знаменитом спектакле «Кавказский меловой круг», она играла там главную женскую роль – Грушу, – чистая женственность, легкость и глубина. Она и сейчас верна театру имени Руставели, и сегодня была на репетиции. Но вечером – гость редкий и любимый. Юра Норштейн! Так что – репетиции ли, премьеры ли, но в доме, где ждут друга, главная роль – хорошая хозяйка! Это все тбилисская школа.

Жанри спокойно ждал друга в гостиной. И вот раздался звонок, дверь дома распахнулась, и вбежал… ну, не двадцатилетний, но никак не 85-летний человек в куртке, шапке, шарфе и с чемоданчиком на колесах. Все теплое он немедленно снял. И вошел в гостиную…

Все сошлось лучше некуда! И вспоминали, и выпивали, и закусывали… Пришла и дочка-красавица (я помню ее девочкой, а она уже дизайнер по интерьеру, пришла с работы). Увидев Норштейна, немедленно убежала к себе, через минуту вернулась с любимой книжкой из детства: маленьким, скромным «Ежиком в тумане»...

Так все и свершилось.

Еще в этот вечер Жанри Георгиевич – впервые – показал Юрию Борисовичу главное, чем занимался больше четверти века: свою живопись. Вообще-то, кое-что Норштейн все-таки видел: я много лет живу на два города – Москву и Тбилиси, и случалось, привозила Юрию Борисовичу каталоги выставок и великолепные альбомы Жанри Лолашвили. Но все художники знают: настоящей живописи, как настоящей дружбе, необходимо живое общение. Я была на нескольких крупных тбилисских выставках Жанри – весь цвет города шел на них толпой. Успех был полный! И это понятно, его работы уникальны, аналогов нет. Они выполнены в технике, которую придумал сам мастер, ей и названия, пожалуй, не существует. Мир на них прекрасен и странен. В его полупрозрачных пейзажах, в изображениях ярких, прекрасных птиц, которых не сыщешь в орнитологических справочниках, в букетах огромных цветов, которых на Земле не сыщешь и в тропиках, в сериях человеческих портретов, напряженных, крайне эмоциональных – отчетливо жива правда существования. Только она, эта правда, увидена автором как бы в других мирах, не здешних. В них живет тайна, которую каким-то образом реально увидел и пережил художник…

Уже года три Жанри не занимается живописью, здоровье не позволяет. Работы продаются, множество улетело из Грузии навсегда. Но в галерее и мастерской друга Юрий Норштейн в тот вечер увидел потрясающее по силе и огромное собрание. И – да, был именно потрясен. Друг юности снова его изумил. Жанри был талантливым мультипликатором, замечательным актером кино и театра… Но однажды ушел, не оборачиваясь, в мир живописи, где только он да краски. И – миры миров…

До глубокой ночи друзья не расставались.

Так вот все и свершилось… Что же именно? А вот – увиделись! И обнялись. И (в самом деле!) – разглядели друг в друге давнее, из юности, и – новое, из сейчас…

Саломе Гогитидзе

Случается, что жизнь становится видна насквозь, до камушков на дне, как в бездонном озере Байкал. И от этого – чистая радость, тоже как вода в Байкале.

В результате пару десятков лет за этот вечер оба друга скинули. Помолодели.

Так или как-то иначе, но независимо ни от чего – происходит на свете счастье… Как в юности, так и в старости. И даже в смутные времена.

«ПОЭЗИЯ ИЗБАВЛЯЕТ ОТ СТРАХА»

Артем КОМАРОВ

Юрий Кублановский – поэт, эссеист, критик, публицист, в прошлом – участник группы «СМОГ» (совместно с Леонидом Губановым, Владимиром Алейниковым и Аркадием Пахомовым). Его поэзия была высоко оценена Александром Солженицыным и Иосифом Бродским. Сегодня Юрий Михайлович продолжает творить, радуя преданного читателя новыми стихами. В эксклюзивном интервью нашему изданию мы поговорили о поэзии, творчестве и роли словесности в современном мире.

– Вы однажды сказали, что поэзия – это задание, которое нужно выполнить как можно лучше. Чье это «задание» – общества, читателя, языка, Бога?

– Это слова Евгения Боратынского, который, очевидно, понимал поэзию как дар свыше. Такое представление зиждется не на пустом месте. У вдохновения иррациональные корни... Я пишу более полувека и так и не могу понять: почему месяцами не можешь связать и двух строк, а то вдруг в течение нескольких счастливых дней потоком, без пробуксовки, приходят строки, строфы, стихи. Отсюда и убеждение, что поэзия – это не ремесло, а откровение. Как утверждал Николай Гоголь: «Обращаться со словом надо честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Ну, а потом, конечно, трудишься, совершенствуя ниспосланный текст. И это занимает порой не один день.

– Стало ли с годами ремесло важнее, чем вдохновение?

– Помните, было такое шестое чувство советского человека – чувство глубокого удовлетворения? Если раньше написанное стихотворение вызывало эйфорию, то сегодня – вот именно это чувство. Стихи сегодня чаще всего требуют упорных усилий для того, чтобы выловить из небытия единственно необходимые строки. Тут, очевидно, именно возраст дает о себе знать.

– В одном из интервью вы сказали: «Настоящая поэзия закаляет сердце человека». Может ли поэзия действительно менять человека, или мы переоцениваем ее социальную роль?

– Тут, пожалуй, дело не в социальном, а в экзистенциальном формировании человека. Настоящая поэзия, и я в этом убежден, во-первых, делает вдумчивого читателя хоть на минуту, но счастливее, ибо тут встреча со словесным чудом, а во-вторых, в идеале – укрепляет характер, делает его осмысленнее и тоньше. Человек, который любит поэзию и читает стихи, держа в руках книгу, всегда значительнее технократа или щелкопера, проводящих дни перед экраном. Богатство души формирует именно культура, а поэзия – неотъемлемая ее часть. Это вид творчества – рафинированный и мужественный разом, выявляющий суть любящего сердца, и мужского, и женского.

– Вы говорили, что читатель должен не просто прочитать стихотворение, а «вжиться» в него. Почему современному человеку становится все труднее совершить эту интеллектуальную и душевную работу?

– Очевидно, происходит измельчание личности, обусловленное технократическим прогрессом, уплощающим и мозг, и душу. Скользить по поверхности жизни проще, чем нырять на культурную глубину. У большинства теперь начинается кессонная болезнь при самом что ни на есть минимальном погружении в эстетическое и умственное осмысление жизни.

– В ваших книгах постоянно присутствует тема дороги, возвращения, чужбины, памяти. Человек вообще способен окончательно вернуться сегодня домой или это возврат в расфокусированное прошлое?

– Понимаю Гоголя, для которого дорога как таковая была необходимым условием творчества. И это – как дорога в обычном смысле, дающая свежие впечатления, так и дорога интеллектуальная, которая заставляет углублять мирочувствование и формировать свое миросозерцание. У меня есть опыт восьми лет жизни на чужбине, когда я не по своей воле оказался в эмиграции. Сейчас я не без ностальгической благодарности вспоминаю об этом времени. Мне еще удалось застать остаток той Европы, в которой существовало традиционное благородство быта и культуры, даже

на житейском уровне. Но я был первым из политических эмигрантов, кто вернулся в Россию в декабре 1989 года. И теперь дорога для меня – это Россия. Честно сказать, я никогда не стремился оказаться на той дороге, которая ведет в экзотику климата, природы и быта. Одна мысль очутиться где-нибудь в Африке или Австралии приводит меня в растерянность. Спасибо России за нескончаемость дорог – и географических, и культурных.

– Вы определяли свою жизненную позицию как «либеральное почвенничество». Сегодня эти два слова часто воспринимаются как взаимоисключающие. Как вы сами сейчас истолковали бы это определение?

– Кто-то из русских политиков точно заметил после того, как долго проблуждал в оппозиции, что постоянная дежурная оппозиционность государству приводит к оппозиционности России как таковой. Мудрое и точное замечание! Определение «либеральное почвенничество» для меня вполне естественно. Разумеется, я открыт свободе и многоцветию культуры, но при условии вдумчивого духовного понимания бытия. Убежден, что релятивизм враждебен полноценному культурному существованию человека и закрывает путь серьезному творчеству. Мы видим это по современной Европе: посмотрите на ее вырождение – политическое, умственное и эстетическое. Личность утонула в ничтожности. Кажется, что за спинами сегодняшних европейских политических бюрократов нет никакой многовековой религии, культуры, истории, философии…

– Вы рассказывали, что особенно одиноко чувствовали себя в 1990-е. Почему период, который принято считать временем торжества свободы и демократии, оказался для вас периодом тотального одиночества?

– Это было не время свободы, а время социальной анархии и криминальной революции, опустившей огромные массы нашего населения на социальное и культурное дно. Я, как и многие мои единомышленники, полагал, что демонтаж советской идеологии послужит, в первую очередь, именно духовному возвышению русского человека и гражданина. Произошло ровным счетом обратное. И после той либеральной революции потребовалась нынешняя «реставрация», чтобы Россия начала свое медленное, но, надеюсь, неуклонное возрождение. А все эти нынешние увлечения сталинщиной – лишь болезнь исторического роста и социального возмужания.

– Почему русский литератор, в вашем понимании, несет большую общественную ответственность, чем литератор на Западе?

– Сознание русского литератора, по-моему, до сих пор до конца не секуляризировано. Россия вышла из лона православной Византии, и это принципиально иная духовная модель, чем та, которую предложило католичество, и которая, как исторически выяснилось, ведет сначала к релятивизму и гуманизму, а потом – погружается в атеизм. Русский писатель традиционно соотносит свое бытие с системой высоких нравственных истин и смыслов, распространяемых на социум как таковой. Для меня справедливость – высшая ценность в жизни. И я надеюсь, что поэзия и правда, можно сказать, синонимы.

– Русская культура, по вашим словам, существует «под углом вечных беспокойств». Почему беспокойство оказывается необходимее и плодотворнее привычного спокойствия и комфорта?

– «Вечное беспокойство» – суть правдоискательства. Только не надо понимать его плоско, идеологически, ведь вечное беспокойство – это отнюдь не вечное недовольство. Как остроумно заметил Розанов, на извечный русский вопрос «что делать?» можно ответить так: «Летом собирать грибы и ягоды, а зимой есть соленья и варенья». Разумеется, в таком ответе речь идет не о наплевательском отношении к истине, а о нахождении себя на путях житейской органики, которая, по существу, и есть высокая поэзия без напускного пафоса и гремучести. И есть еще замечательно остроумные слова: «Дай русским мальчикам карту звездного неба, и они наутро вернут ее исправленною». Это, конечно, следует понимать тоже не напрямую. С одной стороны, тут речь идет о тех вечных беспокойствах, о которых мы говорили выше и под углом которых состоялась наша культура. Но с другой стороны, ни в коем случае не следует подстраивать жизнь, а тем более творчество, под идеологические постулаты и догмы. Такое творчество чревато убийственной для живой литературной ткани назидательностью.

– Что, на ваш взгляд, сегодня в русской культуре действительно живо, несмотря на все кризисы?

– Всюду встречаю я проблески и настоящей поэзии, и замечательной музыки, и даже хорошую самостоятельную живопись. Но все это пока не сформировалось в цельную и достойную посткоммунистическую культуру, преемницу той, что была до революционного выброса. Не забудем, что Россия все-таки варится в той цивилизации, чье угасание – лишь дело времени. Но я надеюсь, что именно наши культурные силы до конца не исчерпаны и несметные жертвы – не напрасны.

– И последний вопрос. Вы говорили: «С поэзией никакая беда не страшна, вернее, не так страшна». Но что поэзия способна сделать в ситуации, когда человеку действительно страшно?

– Если человеку становится действительно страшно, то нужно уединиться, сосредоточиться и помолиться самыми искренними и простыми словами. А перед сном почитать стихи кого-то из великих наших поэтов. Возможно, это убережет его от дурных снов или мучительной перманентной бессонницы. Ведь человек, как правило, опасается не столько внешней агрессии, сколько неизвестного будущего, пустоты и исчезновения. А религия и поэзия свидетельствуют о жизни и по ту сторону земного существования.

«ЛЮДИ, МЫ НЕ УМИРАЕМ, В КАЖДОМ БАБОЧКА ЖИВЕТ!»

Инна БЕЗИРГАНОВА

Молодой зритель, который только недавно увидел эту актрису в характерной роли Зинаиды Ивановны из популярного сериала «Шифр», возможно, удивится, узнав, что в 1970-е она покорила, без преувеличения, весь мир своей роковой героиней – цыганкой Радой из знаменитого фильма Эмиля Лотяну «Табор уходит в небо». Выдающийся режиссер стал для Светланы Тома настоящим Пигмалионом.

– Знакомство с Эмилем Лотяну коренным образом изменило мою жизнь. Я называю это божьим провидением. Ведь случай – улыбка Бога. Встреча с ним произошла на троллейбусной остановке. Он искал героиню для своего фильма «Красные поляны». С этой картины, собственно, начался Лотяну как режиссер поэтически-романтического кино. В 60-е годы было повсеместное увлечение итальянским неореализмом, будущих актеров, актрис брали прямо с улицы на главные роли, и они становились звездами. Я про кино вообще ничего не знала, росла в молдавской провинции и Кишиневе, где жили мамины сестры. Это был мой маршрут: деревня и город Кишинев. Я смотрела фильмы в клубе и даже не слышала слова «режиссер»... Однажды родители взяли меня на картину «Дети капитана Гранта». Мне тогда было лет пять. Помню, сидела на каком-то столе в конце зала... И вот спустя годы эта встреча на остановке. Случай! Не подходил никак мой троллейбус, на котором я должна была доехать до университета – собиралась поступать на юридический. «Девушка, хотите сниматься в кино?» – спросил незнакомец. Это и был Лотяну. Трудно сказать, почему он обратил на меня внимание. Я не считала себя красивой, носила очки, на голове у меня был хвостик. Я была такой же, как сотни других моих ровесниц, ничем не выделялась. Была отличницей, правильной девочкой. И в деревне все умела делать – косить, доить. В Кишиневе, правда, была другая жизнь – меня хорошо одевали, тетушки учили манерам. Мама была человеком образованным, происходила из буржуазной среды. А папа – выходец из обычной воронежской деревенской семьи, заочно окончил после войны сельскохозяйственный институт, после чего его направили в деревню поднимать колхоз. Мама поехала с ним. Папа сделал себя сам, сумел вывести колхоз из отстающих в передовые. Его даже наградили Орденом Почета.

– Родители легко согласились с тем, что вы стали сниматься в кино?

– Я прошла кинопробы, потом нужно было просить разрешения у моих родителей, ведь я была несовершеннолетней. Лотяну приехал к нам вместе с директором киностудии. Все мои родные были в ужасе, возражали. Тетки говорили, что кино – клоака порока. Папа стоял насмерть. Тем не менее Лотяну сумел уговорить его и написал официальный документ о том, что обязуется вернуть меня в целости и сохранности. А я была абсолютно отстраненной. Наверное, в глубине души даже хотела, чтобы родители меня не отпустили. Что значит сниматься? Я не имела об этом никакого представления. Однако Лотяну, видимо, интуитивно что-то увидел, почувствовал во мне. В итоге через семь дней я уже была на съемочной площадке в Карпатах. А по дороге мы попали в серьезную аварию. Лотяну был за рулем, на повороте выскочила машина с детьми, он отреагировал моментально: вырулил на возвышенность. Наша машина перевернулась. Как ни странно, на мне не оказалось

ни одной царапины, а Лотяну поранил левую руку. Такое вот боевое крещение... На съемочной площадке тоже поначалу было непросто. Я не понимала, что должна делать. Моя героиня – моя ровесница, деревенская девчонка, вместе с отцом пасет овец. Там, где они живут, засуха, и чабаны решают тайно перегнать огромную отару в труднодоступное, но богатое и зеленое место на лугах у Днестра – на Красные поляны. Приезжает журналист, человек из другого мира. А моя Иоанна вскоре должна выйти замуж за брутального чабана. «Красные поляны» – история ее первой любви. В героине просыпается женское начало. Иоанна мечется, понимает, что это тупик – она никогда не будет рядом с журналистом, он ее никуда не увезет. Свои чувства девушка выражает, даря ему на прощание красные бусы. Все выражалось полунамеками, тонко, красиво. Природа – тоже действующее лицо. Она занимает огромное место в отношениях людей. И музыка... Для Лотяну важна красота нашего мира, любви. Но так в этом мире устроено: ты не можешь быть рядом с человеком, к которому тебя тянет. С этого и начался Лотяну. Фильм был представлен на международном кинофестивале в Пезаро, и мою работу отметили наградой за лучший дебют. В 1967 году на всесоюзном кинофестивале в Кишиневе режиссер Марлен Хуциев лично вручил мне диплом-приз «за лучший дебют» с очень теплыми напутствиями. И потом всю жизнь ко мне очень хорошо относился.

– Так вы стали актрисой Эмиля Лотяну.

– Тогда я еще не формулировала, что стала актрисой Лотяну. Кино, атмосфера на площадке – это микроб, который в меня проник. Хотя, повторюсь, не все было просто. Мне не нравился костюм моего персонажа: резиновые сапоги, простенькое платьице, косынка, закрывающая лицо. В детстве я покупала открытки с постановочными фотографиями артистов, и у меня сложился стереотип: настоящая артистка – такая, как на этих снимках. И когда на меня надели бедную одежду, я была в ужасе и даже расплакалась – не понимала, что означает костюм персонажа. Это были первые уроки от Лотяну. Помню, снимали сцену: холм, долина, цветы, кустарники, очень красивые места. И мне нужно было просто пробежать в кадре. Я пробежала не так, как представлял режиссер. «Ты понимаешь, что должна здесь быть Бэмби?» Кто такой Бэмби, я понятия не имела, и Лотяну рассказал мне об олененке, его пластике. «Я не могу, потому что на мне резиновые сапоги. А я хочу туфельки!» – возразила я. Лотяну подозвал кого-то и распорядился, чтобы мне на сапоги привязали грузики. А чтобы я не сутулилась, мне еще привязали к спине палку. Я ходила и плакала. Считала, что Лотяну надо мной издевается. Потом грузики сняли и снова начали снимать эту сцену. И мне вдруг стало так легко бегать, я летала, как птица! Так Лотяну преподал мне первый киноурок. Он был очень требователен. А я ведь была неопытной девочкой, и в какой-то момент просто сбежала к родителям, никого не предупредив... Лотяну, конечно, приехал за мной. Через труд, терпение я постепенно чему-то училась. Поняла, что артист должен быть здоров, очень терпелив и доверять режиссеру. Лотяну всю жизнь ненавязчиво учил меня… Потом я поступила в театральный институт – в Кишиневе был набран экспери-

«Красные поляны»

Светлана Тома и Эмиль Лотяну

ментальный курс русских ребят, приехали питерские педагоги. Мы учились в Ленинграде. Из наших выпускников позднее создали театр в Тирасполе. У нас были прекрасные учителя, курс курировал Василий Меркурьев. Но все равно моим главным учителем был Эмиль Лотяну. Получилось так, что из рук родителей я перешла в его руки.

– Лотяну стал для вас в какой-то степени Пигмалионом?

– Именно. Он отвечал за меня, заботился, следил за моим здоровьем, лечил от простуды своим способом – горячим вином с перцем. Но на площадке был абсолютным тираном. Лотяну и себя не жалел, был перфекционистом и того же требовал от других. Я стала все это понимать позднее.

– А ощущение влюбленности было?

– Это все пришло потом… Нужно было снимать какие-то летние сцены – например, колесо обозрения, и мы на какое-то время уехали в Гагры. Память сохранила последний съемочный день. Моросил мелкий осенний дождь. Днем я пошла гулять по берегу моря. Помню дождь, крик чаек. Природа плакала вместе со мной. Такая была тоска! Я понимала, что это последний день, завтра мы уезжаем... И я уже была отравлена кино. До Лотяну я ни с кем не встречалась. Симпатий, влюбленностей не было. Как показала жизнь, на этом ничего не закончилось, мы с Лотяну продолжали общаться. Я понимала, что уже не могу дышать без него. Тогда и начались отношения. Лотяну приходил к моим тетушкам, они были в курсе и поначалу все скрывали от моих родителей. Приближалась премьера, приехали папа с мамой. Для премьеры Лотяну где-то на базе купил материал нежно-жемчужного цвета, чуть-чуть поблескивающий. Сам придумал модель, нашел портниху, которая сшила мне платье на бретельках, с болеро. Помню, как Эмиль Владимирович сидел в Кишиневе у тетушек и обшивал болеро стразами. Мамины бухарестские тетушки прислали мне сумочку под цвет платья и туфельки. И в таком виде Лотяну вывел меня на сцену после премьеры нашей картины. Он смотрел на меня как на свое творение... А потом были отношения, мы жили вместе. Позднее я получила квартиру. Уехала учиться в Ленинград. Лотяну написал сценарий картины «Это мгновение», в которой я сыграла француженку. В течение всей жизни и до самого последнего дня Лотяну я не задавала ему вопроса, буду ли у него сниматься в очередной картине. Всегда обращалась к нему на «вы», называла «Эмиль Владимирович». Лотяну меня даже ругал за это, но у меня не поворачивался язык сказать ему «ты». Для меня это было нормально.

– В вашей фильмографии особое место занимает «Живой труп» по Льву Толстому.

– На третьем курсе в Питере меня пригласили на пробы в картину «Живой труп» на роль цыганки Маши. Второй режиссер Мария Давыдова, умная, опытная, из интеллигентной, образованной семьи, увидела меня в картине «Красные поляны». Дозвонилась до тетушек в Кишинев, и они ей сказали, что я в Ленинграде. Меня утвердили, хотя кинопробы стали испытанием, ведь мне нужно было обниматься с Баталовым! Это было невозможно, я страшно стеснялась… В фильме были заняты прекрасные актеры: Олег Басилашвили, Иннокентий Смоктуновский, Алла Демидова. Готовясь к роли, я много читала, изучала Толстого, буквально вгрызалась в материал. Алексей Баталов помогал, конечно, очень многое дал на площадке. Ведь все мои сцены – с ним. Во время перерыва я обычно слушала разные актерские байки. Алексей Владимирович очень хорошо играл на гитаре, пел романсы. Помню, что Смоктуновский сам себе придумал костюм и был абсолютно лысый – не захотел никакого парика. Мы сидим, общаемся, а он ходит туда-сюда. «Кеша, тебе что, сесть негде? Давай садись!» – говорили ему. Но Иннокентий Михайлович ни на что не обращал внимания, не видел, не слышал никого. У него все время шел внутренний процесс. Роль была небольшая, но он сделал из своего героя запоминающийся персонаж. Помню, когда завершился перерыв, начали снимать сцену со Смоктуновским. И он показал режиссеру десять вариантов! Не режиссер Владимир Венгеров говорил ему, что делать, а Смоктуновский сам предлагал свои решения. А мы сидели и смотрели. Венгеров даже не знал, что предпочесть. Поразительно работал этот актер! Я сделала большой вечер памяти Иннокентия Смоктуновского к его 100-летнему юби-

лею, показала его в нескольких городах. А еще у меня был вечер Алексея Баталова – к его 90-летию. У этих двух потрясающих артистов я многому научилась. Смоктуновский был очень верующим человеком – до последней клетки своего организма. Он много о себе рассказывал – даже то, чего нет в его книгах. Вообще, тепло ко мне относился. А Маша стала моей первой цыганкой в кино.

– Вы стали, как писали, главной цыганкой нашего кино и сыграли лучшую свою роль – Раду из знаменитой картины Эмиля Лотяну «Табор уходит в небо», удостоенной главного приза «Золотая раковина» XXIV международного кинофестиваля в Сан-Себастьяне.

– А до этого Лотяну снял «Лаутары», получившую там же «Серебряную раковину».

– Вы такая тонкая, нежная, нисколько не похожая на Раду с ее огненными страстями. Как вы нашли себя в образе цыганской Кармен?

– Нашла... Произошло совпадение романтического мировосприятия Лотяну и раннего Горького, его рассказов «Макар Чудра» и «Старуха Изергиль», по мотивам которых был снят фильм. Эмиль Владимирович никогда не делал кино по заказу. Все его картины – авторское кино. Он сам писал сценарии, создавал модели женских костюмов. Знал, понимал, изучал, боготворил женщин. Он был человеком увлекающимся, женщины его вдохновляли. На экране каждая его женщина – богиня. Даже пастушка Иоанна из «Красных полян». Все женщины – на пьедестале. А мужчины просто «играют» этих женщин.

– В картинах Лотяну мужчины часто далеки от идеала. Например, в фильме «Мой ласковый и нежный зверь».

– Да, верно. Хоть Оленька Скворцова и мерзавка, но она – наверху, а мужчины – внизу. Все фильмы Лотяну – о женщинах. Для него женщина была непостижима по своей природе, и режиссер озвучивал это в своих картинах.

– С женщинами у Лотяну связано роковое начало. Оно проявлено и в Раде, и в Оленьке Скворцовой.

– Безусловно. У Лотяну было два любимых цвета, оттенка – красный и светло-светло-серый, жемчужный, белый. В «Таборе» Рада – в алом, и Оленька Скворцова в начале фильма «Мой ласковый и нежный зверь» тоже бегает в красном платье. Как Бэмби. Как Иоанна в «Красных полянах». У Лотяну был свой психофизический тип женщины. Мы с Галиной Беляевой ведь в чем-то похожи.

– А Эмиль Лотяну был для вас идеалом как психотип?

– Эмиль Владимирович был для меня всем. Лотяну был на 12 лет старше меня, но это не имело значения. Он был для меня и родителем, и возлюбленным, и художником. Тем человеком, который сделал мою биографию – персонажами, которые предложил мне сыграть. С «Табором», между прочим, была непростая история. На роль Рады было много претенденток. Я три раза проходила кинопробы на «Мосфильме». Тогда я снималась и в других фильмах, работала с другими режиссерами. Когда Лотяну предложил мою кандидатуру, меня никак не утверждал «Мосфильм». Предпочитали другую артистку – известную, хорошую. На «Мосфильме» было экспериментальное объединение, руководил которым Григорий Чухрай. Мою кандидатуру поддержал тогда только он. И Лотяну написал официальную бумагу, что если не будет утверждена артистка Тома, то он отказывается снимать. Это те времена, когда режиссер мог взять на себя ответственность. Сегодня же все решают продюсеры… В итоге меня утвердили. Но вот когда начались съемки – это происходило в Карпатах, городке Виноградово, на границе с Венгрией – Лотяну был все время недоволен мной, ни разу не похвалил. На съемках вообще было очень жарко в смысле отношений. Я была уже опытной актрисой, но Эмиль Владимирович оставался для меня непререкаемым авторитетом. Я ему полностью доверяла, все, что он говорил, было для меня законом. Но существовали вещи, в которых мне нужно было переступать через себя. И вот пришел первый отснятый материал. Лотяну позвал меня в кинозал. Я сидела, сжавшись где-то в углу, думала, сейчас на экране будет ужас. Но вдруг Лотяну сказал: «Ты большая молодец!» Еще через двадцать лет, когда Эмиль Владимирович вернулся

«Живой труп»

«Табор уходит в небо»

из США, где какое-то время работал, он сказал: «Мы сделаем с тобой потрясающий фильм, у меня есть грандиозная идея!» Он написал сценарий про самозванку, знаменитую княжну Тараканову, которую должна была играть я. В роли графа Орлова он видел Олега Янковского, в фильме должны были быть заняты Кирилл Лавров, Григорий Григориу. Я, конечно, не поверила в осуществимость этой затеи, но постепенно стала готовиться. Влюбилась в образ княжны Таракановой! Но что-то произошло – Лотяну никак не мог запуститься с этим сценарием… Хотя сначала и с «Табором» были проблемы. Он хотел снимать на молдавской киностудии, но ему сказали: «Кому нужны твои цыгане?» Тогда Лотяну приехал в Москву, и сценарий сразу запустил в производство Григорий Чухрай. Все, что случается, – к лучшему. Это был «Мосфильм» и совершенно другие возможности. Съемки были сложные, я все делала сама. На лошади ездить умела, но перед съемками неделю занималась на одном из ипподромов в Москве. На съемках было много импровизаций, некоторые сцены рождались прямо на площадке. Например, известный эпизод с ягодами. Это импровизация «от» и «до». Каждый день мы выезжали из Виноградово таким «поездом» – повозки, машины... И вдруг остановка. Вижу, Эмиль Владимирович остановился у какого-то дерева и что-то рассказывает. У нас был потрясающий оператор Сергей Вронский. Лотяну что-то ему говорит, я выхожу из автобуса. Смотрю, тащат камеры, зовут меня и Гришу Григориу, быстро, в нескольких словах объясняют нашу задачу. Никто не был готов к этой сцене. Нашли лестницу, табуретку, на которых мы стояли... как будто сидим на лошадях. Эта сцена – поединок мужского и женского начала. Там есть момент: я ем ягоды боярышника и выплевываю косточку… как Рада. Красивая сцена с юбками – тоже полная импровизация. На мне было надето восемь юбок, в которых я снималась, находясь в воде. Потом я стала их снимать, чтобы скорее освободиться от мокрой одежды. И Лотяну придумал эпизод, как Рада художественно, красиво раскладывает свои яркие юбки… По окончании съемок картина сразу попала в Сан-Себастьян и получила Гран-при. Но Лотяну не выпустили из страны за участие в студенческих волнениях, когда прозвучали требования ввести латиницу. Он был вообще пассионарной личностью, и его надолго после этого сделали невыездным. А потом его взял под свое крыло директор «Мосфильма» Николай Сизов, он любил и понимал Лотяну, хотя внешне был очень суровым человеком. После этого Лотяну снова стали выпускать. А в Сан-Себастьяне главный приз получала я. Сначала даже ничего не поняла, когда меня объявили и буквально вытолкнули на сцену. Потом картина шла по всему миру, ее купили 120 стран. Ни один фильм не приблизился к этому рекорду. К сожалению, вместе с Эмилем Владимировичем мы были только в Париже, на красивой премьере, которую организовала старейшая киностудия Франции «Гомон», но в основном я ездила одна. Исключение – Индия, где мы побывали вместе с Гришей Григориу. У меня много различных призов международных фестивалей за лучшую роль. В 1976 году читатели «Советского экрана» назвали меня лучшей актрисой года, а Андрея Мягкова – лучшим актером. Письма мне приходили не мешками – вагонами. Расскажу одну историю. На грузинской студии я снималась у Лейлы Горделадзе в картине «Мои цыгане». Она делала фильм по автобиографической повести Нодара Думбадзе. Это история шестилетнего мальчика, который во время войны в горах увидел в таборе молодую цыганку и влюбился. Это была моя последняя цыганка. После нее я с цыганами завязала... Меня поселили в самой большой гостинице Тбилиси. Я попросила на ресепшене, чтобы никому не говорили, в каком я номере, и не давали моего телефона. В один из дней я поздно вернулась в гостиницу после съемок и услышала стук в дверь. Я напряглась. Стук становился все настойчивее и настойчивее. Тщетно пыталась дозвониться до ресепшена. В конце концов незваные гости просто выломали дверь, и я увидела трех здоровых мужчин с огромным букетом цветов. Я была по-

трясена, они стали извиняться, успокаивать, говорить о том, как сильно меня любят, что эти цветы – от всех мужчин Грузии. Позже я рассказала эту историю Лейле Горделадзе, и она забрала меня к себе. Я жила в ее квартире, пока съемки шли в Тбилиси. Потом мы уехали в горы… Такая вот история. Все буквально дурели от «Табора»!

– В картине мощная эротическая энергия…

– Там соединилось много всяких энергий. Картина гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Люди считывают обычно первый слой. На самом деле главная в фильме – тема свободы. Для Лотяну она была очень важной. И этот поединок мужчины и женщины. Кто в нем сильнее: мужчина или женщина? У Лотяну получается – женщина. Не может быть равенства между мужчиной и женщиной – это противоестественно. Два разных организма физиологически и психически! Зобар говорит Раде: «Я играл с девками, как кречет с утками». На что Рада молча берет кнут и стреноживает его так, что Зобар падает… Какой ты кречет? Вот ты кто! Эта коллизия могла разрешиться только трагически. В начале фильма Макар Чудра обозначает Зобару его путь. Старается его оградить от ошибок, дает напутствие на будущее, говоря в иносказательной форме: не люби деньги – обманут, не люби женщин – обманут. И помни, что закат приходит тогда, когда совсем не ждешь. И Зобар через все это проходит… У Лотяну много разных тем – и в «Лаутарах», и в «Красных полянах». В них заложены глубокие смыслы. Вот почему его картины смотрели по многу раз. Почувствовав однажды эту концентрацию энергий, хотели испытать еще раз эти ощущения. Потому «Табор уходит в небо» живет и сегодня. Его изучают в киноинститутах разных стран. «Лаутары», «Красные поляны», «Табор» – один период творчества Лотяну. Поэтически-романтический. Дальше режиссеру захотелось поэкспериментировать с Чеховым, которого он любил… «Ласковый и нежный зверь» открывал Каннский фестиваль в 1978 году. Мы приехали вместе с Лотяну. Я сыграла в фильме Тину – там сначала была история Тины и Камышева. Но эту линию убрали, чтобы полностью раскрыть тему Оленьки Скворцовой. Олег Янковский был номинирован на приз за лучшую мужскую роль. Вся западная пресса была в восторге и от «Табора», и от «Ласкового зверя». А у нас… За всю свою жизнь Лотяну не услышал ни одного доброго слова ни от одного критика. Даже «Табор» уничтожили, несмотря на мировой успех. А ведь он был выдающийся режиссер… В 2003 году в Ереване проходили Дни российского кино, я была в числе гостей. И однажды директор Завен Саркисян пригласил меня в свой музей Сергея Параджанова. Мы поднялись на второй этаж. И вдруг я вижу в рамке текст, написанный знакомым почерком. Красные чернила. Это было письмо Эмиля Лотяну Параджанову в тот период, когда Сергей Иосифович сидел в тюрьме. Письмо поддержки. Лотяну писал, что «Табор» получил высший приз и что в этом заслуга и Параджанова. Эмиль очень красиво изъяснялся. Я, мол, одна из твоих ветвей, Сергей, эта награда и твоя тоже. До слез! Я попросила Завена сделать мне копию. Для этого письма Параджанов сам сделал рамку. Под стеклом, кроме текста, – бабочка и цветочек. Бабочка – символ бессмертия, у Гафта есть такие строки: «Люди, мы не умираем, в каждом бабочка живет». А лютик – символ вечной неувядаемой красоты жизни… Я привезла ксерокопию домой. В это время Эмиль тяжело болел. В час ночи он вдруг позвонил мне, чего никогда раньше не делал. И впервые в жизни сказал мне: «Кажется, я очень болен!» Обычно он никогда не жаловался на здоровье. Перед этим он был в Болгарии, собирался начать съемки нового фильма «Яр», но ему там стало плохо... Утром я навестила Лотяну в больнице и не узнала – так он изменился. Я успела ему показать ксерокопию его письма, оформленного Параджановым. А через четыре дня Эмиля Владимировича не стало. Параджанов успел передать ему привет… Лотяну был потрясающим человеком. А какие у него грандиозные стихи… Я могу говорить о нем бесконечно.

– А что происходит в вашей жизни сегодня?

– Работаю. Играю спектакли. Один спектакль играю уже 26 лет – это антреприза «Заложники любви». У Нонны Гришаевой в Театре РОСТА выхожу в лирической комедии «Карусель». Это история двух подруг. Очень люблю этот спектакль, играю его с 2019 года. А еще ставлю поэтически-вокальные вечера.

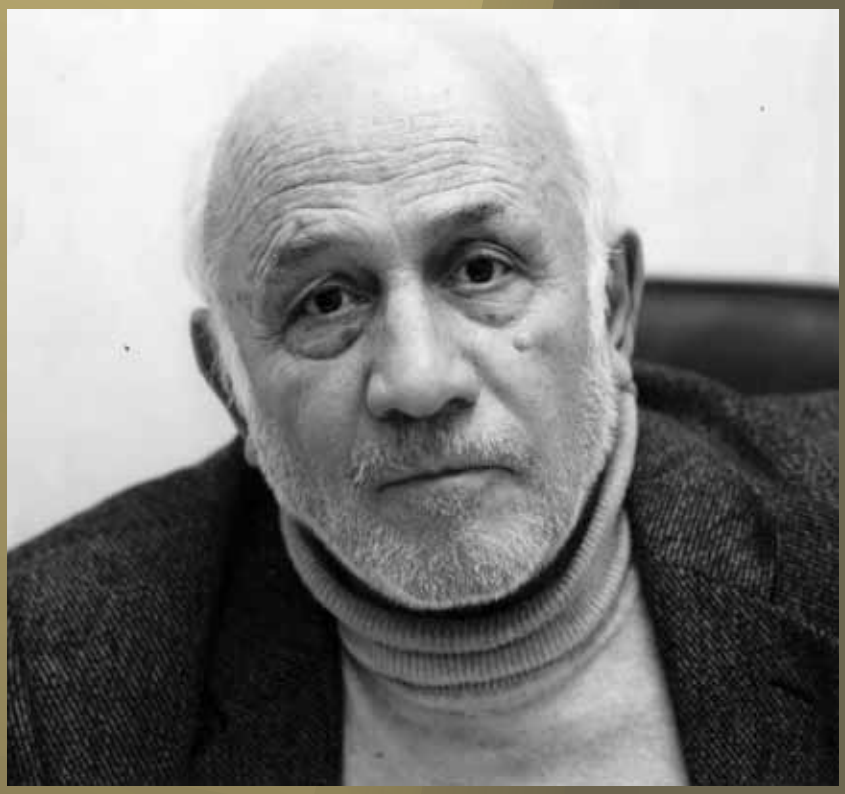
– Вы неожиданно раскрылись в сериале «Шифр», предстали в совершенно другой стилистике.

– С режиссером Верой Сторожевой мы сделали три проекта на Первом канале. Она увидела во мне актрису характерную

В спектакле «Калифорнийское танго»

– хотя я всегда была героиней. Мы с ней были на Кубе, провели там десять дней. Встречались со зрителями в Гаване, побывали на Варадеро. К нам в гостиницу приходил сын Фиделя Кастро. Он учился когда-то в Университете имени Патриса Лумумбы, студентом бегал смотреть наш «Табор» и вот решил, спустя годы, познакомиться. Сказал, что не простил бы себе, если бы упустил такую возможность. Таких приятных моментов много было в жизни…

СЛЕД ЖИЗНИ

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Мы с Дунаевским ближе сошлись после его выхода из заключения, когда он женился на Лике Цулукидзе и перебрался в наш квартал, на улицу Дадиани (бывшая Вельяминовская). А до ареста мы встречались от случая к случаю: то на литературных вечерах, то у него дома.

Однажды нас занесло на вернисаж молодых художников в выставочный зал, обустроенный в бывшем музее Кавказской войны. Стоял яркий весенний день. Недавно отшумела выставка возвращенного из забытья, еще полного сил, Ладо Гудиашвили и ее книга отзывов распространялась методом «самиздата». Казалось, наступали новые времена. Выставочный зал был полон оживленной публики, но развешанные по стенам картины не задерживали внимания. Меня остановила картина, воспроизводящая «Соколиную охоту»: сокол на руке охотника нацелился на жертву… Вписанные в пейзаж мужчина и птица были залиты багрянцем заката.

Я показал «Соколиную охоту» Валерию, но он только поморщился: «Обманка!» Я не понял, что имелось в виду, а он отвел меня к книге отзывов и, открыв чистую страницу, написал: «Выйдите на улицу, молодые художники! Там не только улыбаются. Смятение и сомнения – не пережиток капитализма. Вы отразили мишуру нашего времени, но не само время». Он поднял взгляд на меня: «Смотрите на мир зорко, как сокол на картине вашего товарища! Выставке молодых не хватает смелости. Не робейте, ребята, время за нас!»

Не имея доступа ни к прессе, ни к эфиру (представляю, как прозвучал бы по радио «Шторм»!), он искал любую возможность для публичного высказывания, не пренебрег даже книгой отзывов молодежной выставки. Протестная энергия искала выхода.

Кто-то из наших рассказывал, что видел его на избирательном участке – близились выборы: якобы, он попросил слова и прочитал памфлет, начинавшийся словами: «Город окровавлен плакатами». Дальше он описал, как составляется предвыборная речь кандидата: он получает от избиркома коробку с шарами, на которых написаны выверенные слова, перемешивают их и переписывает сложившиеся фразы. Шары со словами «родной», «родная» и «народная» больше других затрепаны и стерты….

Ведущий предвыборного собрания плохо владел русским языком и не сразу разобрался в происходящем, а разобравшись, обозвал Валерия хулиганом и провокатором и призвал покинуть трибуну.

Тогда Валерий вскинул руку и, уставясь в зал широко расставленными зенками, сдваивая любимые тугие согласные, стал читать:

…На скуллах вскипелли
воллн желлваки,
И пелли, лопаясь жиллы,
И жилли в разрывах вен,
Но тысячи яростных смен
Рвались по судороге
бывших…

Тише!

И зал смолк.

Что тормошило его и понукало? Почему он не находил места и не довольствовался студенческой долей? Натура!

Максимализм подсказал безбашенную идею: разбросать после киносеанса листовки в «Спартаке» – небольшом зале с крутым амфитеатром. Однако идея не прошла. Мы слышали о событиях в Венгрии, да и тбилисский март не был забыт: стоило ли лезть на рожон? К тому же изготовление листовок столкнулось с трудностями: поиском множительной техники и качественной бумаги, да и текст листовки следовало согласовать… Валерий благодушно подтрунивал: «Не волнуйтесь, орлы и куропатки, ничего экстремального. Составлю поздравление к 8 Марта! Но простым, забытым языком...» Однако идея оказалась нежизнеспособной и тихо угасла. И слава богу: реализуй мы ее, приговор ребятам был бы

суровее.

Примерно в эту пору Валерий озадачил меня вопросом:

– Как думаешь, долго нам еще дадут резвиться?

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

– Долго позволят собираться в Воронцовском дворце, стихи-рассказики читать?

– Но ты же знаешь: сейчас такая установка, – я не понимал, куда он клонит.

– Вот именно – установка! – подхватил Валерий. – Но что ты знаешь о той установке? И соответствуем ли мы ей, или выходим за рамки и нарушаем картину тесного единства? – в его интонации слышалась не тревога, а досада.

Я призадумался, поглядывая на него.

– Не заморачивайся, старик! – он хлопнул меня по спине. – Нам остается одно – идти тем же маршрутом. Лучшее, что мы можем сделать, это сесть на пару лет, и если два-три десятка совграждан узнают об этом и призадумаются, наша задача будет выполнена.

Судя по сроку, который он отвел себе в предполагаемом приговоре, советская Фемида представлялась ему благодушной теткой.

Примерно тогда же он познакомил меня со вторым участником надвигающегося процесса, своим будущим подельником Степаном Ананьевым.

Мы со Степаном оказались близкие соседи: выйдя за ворота нашего двора, я через минуту оказывался под его окнами: он жил на втором этаже старотбилисского дома, в двух просторных комнатах. Близкое соседство способствовало частому общению, не только совместному с Валерием, но продолжившемуся после его эмиграции. (Через много лет, удрученный непреходящей нуждой, Степан обменяет свое просторное жилище на комнатку в доме под Сололакским кряжем; мне не удалось застать его там, я только почувствовал неприязнь нового окружения к чудаку-соседу).

А первая встреча со Степаном запомнилась потому, что все происходило на пятачке родного квартала.

В начале широкой, по тбилисским меркам, улицы, полого забирающей в гору в направлении Коджори, находилась пекарня, в которой мастера-рачинцы пекли фантастический хлеб. Мука ли у них была особенная, или знали секрет, но такого хлеба не было больше нигде в городе: пахучий, добрый, простодушный, с хрусткой корочкой по ободку и нежной вмятинкой посередине...

Направляясь с Валерием к Степану, я купил в пекарне пару хлебов: только-только из печи, они жгли руки, пришлось всю дорогу жонглировать ими.

Нам открыл хозяин дома. Это был молодой мужчина хрупкого сложения с изящными руками, правильными чертами лица и тихим голосом. Позже мне где-то попался скульптурный портрет Степана Шаумяна, одного из бакинских комиссаров: тезки оказались похожи, как близнецы. Не знаю, как Шаумян, а Ананьев был неистово черен; в белокуром варианте он был бы слащав: густые, аспидно-черные волосы придавали мрачность его тонкому облику. Тихость и незлобивость составляли, так сказать, защитную оболочку этого характера; она не мешала ему быть твердым и даже неуступчивым в споре: просто, когда накал достигал критической точки, он умолкал с тихой улыбкой на красивом лице, всегда, однако, оставаясь при своем мнении. При этом его глаза смотрели ясно и кротко, но в их кромешной черноте вспыхивал огонек протеста. Позже я заметил, что эти глаза не выдерживают прямого взгляда; в них зарождалось что-то похожее на смущение и даже испуг, и они поспешно прикрывались густыми ресницами, в последнее мгновение как бы гневно укоряя за вторжение. Другой характерной чертой Степана была немыслимо правильная книжная речь: он говорил как по писанному и совершенно без жестикуляции; в сочетании с ровным, тихим голосом это придавало его речи что-то бездушно-механическое.

Он со сдержанной радостью приветствовал нас в дверях:

– Какая приятная неожиданность! Хотел бы я знать, кому пришла в голову такая счастливая мысль!

– Мысль, как мысль, Степа, самая заурядная, – осадил его Валерий. – Мы чуть не через день у тебя пасемся, мог бы привыкнуть. Лучше познакомься: наконец в нашей компании появился грузин. – Валерий представил меня.

– Очень приятно! – Степан Ананьев с тихой улыбкой пожал мне руку: его рука оказалась прохладная и мягкая, как бы бескостная. – Милости прошу! Раздевайтесь и проходите. Чувствуйте себя как дома…

Мы с Валерием сели за круглый стол, заваленный немытой посудой. Не обращая на нее внимания, хозяин дома сцепил руки на коленях, помолчал, разглядывая меня, и вдруг заявил своим внятным, негромким тенорком:

– Я очень люблю грузин.

При кротости и незлобивости была в его голосе какая-то безапелляционность и снисходительность. Она скребнула мой слух.

– Да неужели?! – я насмешливо наклонил голову. – Ей-богу?

Степан с интересом посмотрел на меня и потупился; он был смущен.

– Ей-богу!.. Я не хотел вас задеть и, поверьте, от всего сердца сказал: я очень люблю грузин. Возможно, вы не знаете, что по древнему преданию наши народы восходят к общим предкам – братьям Айосу и Картлосу. А я, можно сказать, ощущаю это всем существом. Армянская культура в течение веков связана с городом, в котором мы живем, а в последние сто лет Тбилиси стал ее колыбелью и повитухой. Один из великих ее представителей – Ованес Туманян, живший неподалеку от этого дома, сказал, что в беде каждый армянин со спокойным сердцем доверит своих детей грузинской семье. Может быть, я цитирую

не совсем точно, но суть передаю правильно и, что главное, полностью солидаризируюсь. Кстати, я не спрашиваю, кому пришла мысль купить этот чудесный хлеб, поскольку уверен, что она исходила от вас. У грузин есть замечательное умение обживать жизнь; не топтаться вокруг в отчаянии или нерешительности, а входить и обживать. Возможно, им от рождения ясно, что никакой от века загадки нет и не было у ней. Этим же свойством я объясняю их исключительное дружелюбие: Тбилиси относится к числу редких городов, никогда не знавших таких омерзительных явлений, как резня, погромы и прочие проявления национальной розни.

Хозяин дома говорил гладко и неторопливо и, похоже, не собирался умолкать, но, когда он сделал паузу, Валерий вклинился в нее.

– Молодец, Степа! Будем считать, что гостя ты приветствовал и обласкал. Теперь позволь представить тебя. – Он обнял хозяина дома за плечи и несильно встряхнул: – Степан Ананьев, бессребреник и философ. В этой голове компактно уложены самые ценные мысли Шлегеля и Гегеля, а также прочих немцев.

– Валерий поцеловал Степана в голову. – Не обижайся, Степа, это я комплексую от необразованности.

Степан кротко улыбался, глядя на нас, но в этой кротости была изрядная доля благожелательной снисходительности: так добрый учитель смотрит на милых шаловливых первоклашек.

– В самом деле, – пояснил Валерий, – где-то в этом бедламе завалялся красный диплом философского факультета МГУ. Мы можем его предъявить, правда, Степа? Но кому у нас нужен философ, не согласный с Марксом?

Не изменяя благожелательной снисходительности, Степан Ананьев сумел обогатить свой взгляд кротким укором.

– Все это пустяки. – Он подался вперед, сосредоточился и вдруг объявил, энергично хлопнув себя по коленям: – Давайте пить чай! Тем более, что благодаря нашему другу, у нас есть роскошное угощение. – Он обласкал взглядом лежащий хлеб на столе, а заодно и меня…

Так я стал участником чаепитий в несуразной холостяцкой квартире, за круглым столом, исписанным химическими и математическими формулами и стихотворными экспромтами. Мог ли я предположить, что со временем эти чаепития будут фигурировать в следственном деле как нечто опасное…

Но до следствия было еще далеко. До следствия была осень и вся зима с дождями и мокрым снегом, и чуть ли не половину вечеров я провел у Степана Ананьева, в компании Валерия и новых знакомых.

Поначалу, в силу то ли привычки, то ли национальной черты, отмеченной Степаном, я заявлялся со снедью – хлебами из пекарни, овечьим сыром и парой бутылок вина, но скоро почувствовал неуместность своего поведения; оно нарушало характер сложившегося сообщества, вносило в него что-то слишком житейское, бытовуху, тогда как оно жило другим. Чем? – вопрос, который чуть ли не каждый вечер приводил меня в захламленный дом с большими окнами, одно из которых было заткнуто подушкой.

Вскоре, в сущности, почти сразу, я разглядел существенную особенность наших посиделок: разговоры за скудным столом обретали смысл в присутствии Валерия. Без него беседу болтало, как лодку на порогах: кто-то хохмил, кто-то заумничал, кто-то щеголял эрудицией, но словесные ручейки не находили желоба. Это сознавали даже самые бойкие пустомели, и ожидание Валерия было одним из лейтмотивов наших сборищ. Валерий частенько пропускал ананьевские чаепития, а появляясь, не выпячивался: садился в продавленное кресло, поглядывал припухшими глазами и помалкивал, ограничиваясь шутками и репликами. Но постепенно разговор прокладывал русло, и все находило свое место – логика, эрудиция, остроумие…

Конечно, молодые люди, с которыми я познакомился у Степана, питались не святым духом, но житейские заботы были чужды им, как барыге чужд романтизм. Их бытовая непрактичность привлекала странным обаянием: такое исходит от отвыкшего от дома охотника, чудака-ученого, с головой ушедшего в проблему, или старца-монаха, с которым на склоне лет сведет меня жизнь.

Я не сразу разглядел странную квартиру и ее хозяина. Дому Валерия была присуща мужская безбытность; дом Степана отличался холостяцкой безалаберностью. Голые стены его комнат дышали холодом; серая от пыли крышка фортепиано превратилась в столешницу; высокий стакан хранил прошлогодний букетик ландышей; банка с засахарившимся вареньем стояла поверх засаленного галстука; настольная лампа в виде фарфоровой нимфы была сломана, из ее плечика торчал оголенный электропровод, а изящную ножку я обнаружил на подоконнике, рядом со старинной лупой в бронзовой оправе. Тут и там мы натыкались на книги со следами внимательного прочтения – отчеркиваниями и восклицательными знаками… Мы бегло пролистывали их, не углубляясь в тексты, в крайнем случае обращаясь за разъяснением к хозяину.

Не помню, какая из находок побудила Степана прочитать нам небольшую лекцию о Бергсоне; он оказался теоретиком ряда творческих течений XX века. Главным же его адептом стал Марсель Пруст, о котором в ту пору я не имел представления. Однако Пруст так заинтересовал меня (со слов Степана), что через шесть лет, обнаружив в солдатской библиотеке три тома из четырехтомного издания «В поисках утраченного времени», я без зазрения совести увел их и не пожалел: колокольня в Кам-

бре стала одним из сильнейших литературных впечатлений моей жизни.

Книги были прекрасно изданы: переплет под шагреневую кожу, форзац в виде пестренького французского ситца; на титуле печать солдатской библиотеки соседствовала с изысканным экслибрисом владельца книг. Как их угораздило в солдатскую библиотеку? Какое стечение обстоятельств занесло их туда?

Сегодня они стоят в моем шкафу: светло-серые тома в «шагреневой коже» (у третьего тома подпорчена обложка). Рядом – молочно-белый том нового Пруста в переводе Любимова. Не уверен, что мастер превзошел предыдущего переводчика; ему удались цветущие бульвары Парижа, каштаны и гроздья сирени, но в целом отдаю предпочтение старому переводу. Возможно, это вызвано ошеломлением от первого впечатления: такое невозможно пережить дважды…

Еще вспоминается странный разговор о римских цифрах: как нередко случалось на наших посиделках, он вырос из пустяка.

Единственным завсегдатаем ананьевских чаепитий был худощавый мальчик Сергей Вартазарян; самый юный участник предстоящего судебного процесса, он учился в школе, по каковой причине получил по суду заметное послабление.

На наших посиделках Сережа вел себя, как подобает ученику: помалкивал, слушал, иногда обращался с вопросами о книжных находках, которые просматривал внимательней других.

Однажды Сережа целый вечер горбился над фортепиано: что-то писал на его запыленной поверхности. Кто-то недоуменно спросил:

– Ты чего там колдуешь, Серый?

– Тут написаны римскими цифрами какие-то числа, – оттирая пыль с пальца, отозвался Сергей. – Я пытаюсь произвести с ними арифметические действия…

– Ну и как? Получается?

– Что-то не очень…

– И не мучайся, милый. Все равно не получится, – вступил в разговор Степан.

– Но почему? Приходилось же им что-то подсчитывать.

– Увы, это тупик. Потому что придуман тупицами. Зато какая помпезность, какое величие!.. Как-то меня занесло из Москвы за Можаи, а там до Бородина рукой падать. А на Бородинском поле памятники – русские, французские, и даты на них римскими цифрами. И, представь себе, там эта помпезность уместна. Этой цифири место не в человеческих головах, а исключительно на гранитных постаментах. Хотя прочитает их не каждый. Вот, к примеру, что это за дата? – Степан начертил на поверхности пианино «MLCCCXXXVII» и, подождав, набросил на цифры подвернувшуюся бумагу. Сережа попытался сдвинуть, но Степан шлепнул его по руке.

– Это год гибели Пушкина, – сказал Валерий, не вставая из-за стола.

– Верно, – с некоторым разочарованием подтвердил Степан. – Но согласись, что это не просто… Помпезность римской цифири можно считать иллюстрацией той истины, что тупость напыщена, это, так сказать, ее подавляющая форма, а гениальность проста и внешне часто легкомысленна… – под рядом римских цифр Степан бегло вывел «1837» и торжествующе оглядел нас.

Валерий вышел из-за стола и присоединился к нам. С насмешливой улыбкой, чуть кривившей губы, он приобнял Степана за плечи.

– Не забудь отметить, что человек, придумавший ноль, был так же гениален, как изобретатель колеса…

Наши умствования хозяин дома порой перебивал холостяцкими «дивертисментами»: он любил демонстрировать изюминку своего «логова» – представление с уличным фонарем. Уверяя, что висящий за окнами фонарь вполне освещает обе его комнаты, он выключал свет. Освещения и впрямь хватало, но уличный фонарь раскачивался от любого дуновения, и тени в комнатах начинали качаться; казалось, что дом ходит ходуном, только кусочек города меж черных стен оставался неподвижен.

Степан по-детски упивался произведенным впечатлением.

Единственным выхоленным местом в доме была стенная печь, облицованная сверкающим светло-коричневым кафелем. В полуметре над полом чернела чугунная дверца. Близилась зима, и стол, за которым мы сидели, сам собой двигался к печке, в приоткрытую дверцу которой втягивало дым наших сигарет. Печка топилась картонными коробками, которые сберегали для Степана в соседнем гастрономе. Коробки стопкой лежали возле печки; мы с трудом запихивали их в круглое жерло, где они прогорали с вкрадчивым шорохом, почти не нагревая кафеля.

Что и говорить, я не прогадал, придя в странный дом с пустым столом и холодной печкой: Степан и Валерий наполняли постные посиделки.

Темперамент Валерия был на виду – в мимике, в жестикуляции, в остротах. И прежде всего – в стихах. Это был прирожденный лидер. *Пассионарий.* Термин, привнесенный Львом Гумилевым, разбудил полузабытый образ молодого тбилисского поэта и прилип к нему, как гвоздь к магниту.

Была ли пассионарность в Степане? Не замечал. Если и была, то где-то очень уж глубоко. А без энергии его велеречивость расхолаживала: «Давайте пить чай…»

Через несколько месяцев корреспонденты иностранных агентств, информирующие о проходящем в Тбилиси политическом процессе, озаглавят свои сообщения «Дело Дунаевского и других»: профи учуют суть дела и точно расставят акценты.

Продолжение следует

ТБИЛИСИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП

Рубен ПАШИНЯН

Тбилиси, Ереван, Москва – три города, три разных культурных пространства, которые со временем сошлись в одной творческой судьбе. А имя Сергея Параджанова стало точкой притяжения, вокруг которой возникло собственное театральное пространство. Наш собеседник – основатель и художественный руководитель Московского театра имени Параджанова Владимир Габбе.

– Я не ставил перед собой задачу пройти путь «Тбилиси – Ереван – Москва» именно так, как он в итоге сложился. Но сегодня я понимаю, что каждый город дал мне что-то принципиально важное.

Тбилиси дал мне ощущение мира как многослойного культурного пространства. Ереван – это мое отечество, и он сформировал мое художественное восприятие мира. Москва стала пространством, где накопленный опыт получил возможность выйти на более широкий масштаб. А Параджанов, наверное, объединил эти точки...

– Что именно из тбилисского опыта определяет вас сегодняшнего?

– Для меня Тбилиси – это не столько город, который я помню, сколько определенный способ существования человека в культуре. Это способность одновременно слышать несколько языков, видеть несколько традиций, не пугаться различий. Это уважение к человеку независимо от того, откуда он пришел. Это отношение к искусству не как к отдельной профессиональной территории, а как к естественной части жизни. В Тбилиси я очень рано почувствовал, что культура не существует в изоляции. Она возникает именно там, где встречаются люди, языки, судьбы, музыка, архитектура, религии, характеры. И, наверное, самое главное – оттуда во мне осталось ощущение человеческого достоинства и внутренней свободы. Поэтому Тбилиси во мне – не ностальгия. Ностальгия смотрит назад.

– Одним из руководителей Тбилисского русского театра имени Грибоедова был Константин Шахазизов – человек, начавший свой путь в Тбилиси, а продолживший в Москве, где руководил ТЮЗом. Вы тоже начинали в Тбилиси, а спустя годы создали в Москве собственный театр. Видите ли вы в этих двух биографиях нечто большее, чем просто совпадение судеб?

– Да, эта параллель мне интересна именно потому, что она показывает одну важную вещь: Тбилиси всегда был не только местом рождения художников, но и местом, откуда они начинали свой диалог с большим миром. Мне кажется, в таких судьбах есть определенный символ. Человек, сформированный средой, в которой культуры постоянно соприкасаются, естественным образом ищет более широкое пространство для реализации. Но я бы не стал искусственно соединять наши биографии. У каждого человека свой путь, своя эпоха, свои обстоятельства. Для меня гораздо важнее другое: есть города, которые становятся частью профессиональной биографии, а есть города, которые становятся частью внутренней биографии человека. Тбилиси для меня – именно такой город.

– Что, на ваш взгляд, в нынешнем Тбилиси сохранилось от той городской культуры, которая сформировала ваше поколение, а что безвозвратно утрачено?

– Любой город меняется. И было бы странно требовать от Тбилиси оставаться таким же, каким он был в моем детстве. Сохранилось главное – сама энергия города. Его способность соединять разные характеры, разные культурные слои, разные поколения. Но изменилась среда. Изменился ритм жизни. Исчезли или стали другими многие привычки общения, атмосфера дворов, особая культура соседства, то ощущение, когда человек был не просто прохожим или клиентом, а частью определенного человеческого сообщества. Наверное, именно это особенно трудно вернуть. Но я не люблю говорить о прошлом только словами «утрачено» и «исчезло». Культура не исчезает полностью. Она меняет форму. Что-то уходит из улиц – и появляется в памяти. Что-то уходит из быта – и появляется в искусстве. А что-то неожиданно возвращается уже в другом поколении.

– Тбилиси всегда был пространством пересечения культур, языков и художественных традиций. Можно ли сказать, что ваш последующий путь – от Еревана к Москве и к Параджанову – во многом продолжение той тбилисской культурной среды?

– Безусловно. Я думаю, что

именно многообразие среды учит художника не бояться смешения. Для меня синтез различных видов искусства – театра, кино, пластики, музыки, изобразительного искусства – не является сегодня каким-то формальным художественным приемом. Это органический способ мышления. И здесь я вижу очень прямую связь с Тбилиси. Когда ты с детства находишься внутри пространства, где рядом существуют разные культуры, ты перестаешь воспринимать границу между ними как стену. Ты начинаешь видеть диалог. Наверное, поэтому мне всегда было тесно внутри одного жанра. И поэтому Параджанов оказался для меня не просто художником, которому посвящен театр. Он стал очень точной фигурой для разговора о том, что искусство вообще не обязано признавать искусственные границы.

– Что произошло с вашим первоначальным представлением о Параджанове за эти десятилетия? Вы сегодня воспринимаете его иначе?

– Конечно. В молодости мы часто видим в большом художнике прежде всего его внешнюю форму. Нас поражает образ, цвет, пластика, необычность. С годами начинаешь понимать другое.Параджанов для меня сегодня – это прежде всего свобода художественного мышления. Он не иллюстрировал реальность. Он создавал собственную реальность. И чем больше я занимаюсь театром, тем сильнее понимаю, насколько важно не копировать Параджанова, а понять его внутренний принцип. Параджанов не давал зрителю готового ответа. Он заставлял зрителя видеть. И сегодня мне кажется, что это одна из самых сложных задач искусства.

– Вы неоднократно говорили, что Параджанова невозможно просто перенести на театральную сцену и бессмысленно повторять его художественный язык. Тогда в чем сегодня заключается задача театра, носящего его имя: сохранять наследие, спорить с ним или искать в нем импульс для нового искусства?

– Я бы выбрал третье. Не копировать. Не мумифицировать. Не превращать Параджанова в музейный экспонат. Если театр имени Параджанова будет просто воспроизводить его эстетику, он предаст саму природу этого художника. Параджанов был художником, который постоянно искал новое. Поэтому наша задача – брать не его внешний язык, а его право на свободу. Свободу соединять театр и кино, слово и изображение, музыку и пластику, документ и художественный вымысел. Свободу разговаривать со зрителем не только через сюжет, но и через образ. И, самое главное, свободу создавать искусство сегодняшнего дня. Я убежден: лучший способ сохранить великого художника – не повторять его, а продолжать задавать те вопросы, которые он сам задавал своему времени.

– Режиссура, театроведение, изобразительное искусство, выставочные проекты, документальное кино. Это разные направления вашей деятельности или различные инструменты одного авторского метода?

– Для меня это разные инструменты одного метода. Я вообще не очень верю в жесткое разделение искусства на отдельные территории. Если у человека есть определенная мысль, он должен найти для нее адекватную форму. Иногда это театр. Иногда изображение. Иногда кино. Иногда документальный материал. Иногда слово. Мне интересен синтез. Потому что современный зритель давно воспринимает мир не только последовательно. Он одновременно видит изображение, слышит музыку, считывает текст, реагирует на пластический образ. Поэтому театр сегодня должен быть способен говорить на нескольких художественных языках одновременно. Но синтез ради эффекта мне неинтересен. Все элементы должны работать на одну мысль, на одну эмоциональную партитуру – Человека. Иначе это просто набор красивых технологий.

– Вы создали театр вокруг имени художника, для которого границы национальной культуры тоже никогда не были однозначными. Где сегодня проходит ваша собственная граница между Тбилиси, Ереваном и Москвой? И нужна ли художнику вообще одна определенная точка принадлежности?

– Я не думаю, что художник обязан выбирать одну точку. У человека может быть один паспорт, но у его души – гораздо более сложная география. Тбилиси – это мое начало. Армения – родина моего профессионального и духовного становления. Россия – пространство, в котором я реализовал значительную часть своих творческих идей. Я не вижу здесь противоречия. Наоборот, мне кажется, именно сочетание этих культурных опытов и сформировало мой взгляд. Для меня принадлежность – это не вопрос границы на карте. Это вопрос ответственности перед тем, что ты получил от своей культуры и что оставишь после себя. И, может быть, художнику как раз опасно иметь только одну точку принадлежности. Потому что искусство по своей природе всегда стремится выйти за границу.

– Уехав из Грузии, вы фактически создали в России пространство, связанное с вашим родным городом. Можно ли сказать, что в каком-то смысле вы так и не уехали из Тбилиси?

– Я бы сказал иначе. Я уехал из Тбилиси физически, но Тбилиси продолжил жить во мне – и постепенно превратился из места в художественный принцип. Когда я создавал театр имени Параджанова, я, конечно, не пытался воссоздать Тбилиси в Москве. Мне было важно другое – сохранить то внутреннее пространство, в котором когда-то сформировалось мое отношение к культуре. Пространство, где разные языки могут звучать рядом. Где искусство не делится на «свое» и «чужое». Где память не является прошлым, а становится материалом для создания будущего. Поэтому, если говорить совсем просто, я действительно не уверен, что окончательно уехал из Тбилиси. Но, наверное, в этом и заключается судьба человека, родившегося в городе, который становится частью его внутреннего мира. Ты можешь уехать из города. Но если город стал частью твоего художественного сознания – он уже едет вместе с тобой!

ИЗ ЛЬВОВА В КАЗАХСТАН ЧЕРЕЗ МОСКВУ

Роб АВАДЯЕВ

Дело было в самом начале восьмидесятых. Я застрял в долгой командировке на Западной Украине. Но мне повезло на исходе лета побывать во Львове. Впервые. Львов тех лет был довольно забавным местом. Прекрасный заграничный город и совсем не советский. Красивая европейская архитектура, мощеные мостовые, костелы и узкие средневековые улочки. Особенно был забавен трамвай, обе колеи которого раскиданы по сторонам улицы, а стоянка автомобилей – посреди по осевой. В центре на каждом углу – кофейни, кафешки и почему-то старинные аптеки. Но, к моему удивлению (а я попал во Львов из сельской глубинки Западной Украины, где мы целое лето разбивали план будущего водохранилища), в городе говорили вовсе не по-украински, а на русском и польском. Украинский за месяцы в деревнях крепко въелся в мою голову – я по сию пору произношу немногие фразы на «соловьиной мове», что не забылись с тех времен за десятилетия, с могучим «западеньским» акцентом. А во Львове мне пришлось вспоминать польский, благо в юности сосед по институтской общаге был поляком, учившимся на подготовительном и еще не выучившим русский. И мне было там вполне комфортно. Население не напоминало обычных украинцев из центральной части республики, было много попросту типичных поляков.

Костел Святой Эльжбеты

Помнится, я вошел в красивый костел и присел отдохнуть на скамью. А неподалеку от меня в проходе остановились негромко поболтать две старенькие пани, тонкокостные, изящные, в старомодных опрятных платьях, гипюровых летних перчатках на руках и шляпках с вуалетками. Они были друг другу рады и говорили чуть манерно на «вы»: «Як ше маш, кохана пани Марысю?» (Как ваши дела, дорогая пани Марыся?) – «Отож, драга пани Касю, недавно вручилам з дачи» (Хорошо, дорогая пани Кася, недавно вернулась с дачи). И в этот момент громко загалдели туристы с русскими лицами, пришедшие в костел с экскурсионной группой. Это было столь непочтительно к такому священному месту, что старые пани были шокированы. Они неодобрительно поджали губки и осуждающе что-то друг другу зашептали. До меня донесся обрывок: «Хамы большевисски…» Тут мне почему-то вспомнился забавный львовский анекдот, и у меня невольно вырвался чуть слышный смешок. Дамы строго посмотрели на меня, а я, почтительно извиняясь и прижав руку к груди, деликатно, спиной к выходу и лицом к алтарной части с престолом, начал выбираться наружу.

А анекдот такой. Заходит в львовский трамвай бандеровец с автоматом ППШ и, поглаживая окладистую бороду, задает общий вопрос: «А скажить, шановны панове, скильки зараз годин та скильки хвелын?» (Скажите, уважаемые господа, сколько сейчас часов и сколько минут?) Тут с переднего сиденья встает негр и громко рапортует: «Пятнадцять годин и висимнадцять хвылын, батько!» Банде-

Казахская степь

ровец удовлетворенно кивает: «Сидай, сынку, сам бачу, що не москаль».

Вечер я провел в непрерывной прогулке, обойдя старинную часть города не один раз. Даже забрался на самый верх Высокого замка, который оказался никаким не замком, а парком с горкой, на которую поднималась спиральная дорога. А потом я пошел ночевать в зал ожидания на вокзале. В те времена остановиться в гостинице было невозможно, а хостелов попросту не существовало, только съемные квартиры либо койки в домишках теток, сдающих углы. Этого мне не захотелось, тем более что загодя я договорился о встрече с группой приятелей – художников-реставраторов, которые тем летом восстанавливали росписи в деревенских церквях. Мы решили, что поедем в Москву вместе. Только добраться до львовского вокзала им предстояло вечерним междугородним автобусом часам к трем ночи. Посему я решил не шиковать и не строить из себя Ротшильда, сняв на ночь ненужную мне комнату. А попросту догуляв, подремать на вокзале, ожидая их.

Ребята вчетвером появились чуть раньше, сразу после полуночи. У них было много еды – верующие бабушки из прихожан церкви, которую ребята приводили в порядок, снабдили их в дорогу обильной снедью. Ах, как была хороша домашняя польская колбаса! Больше сорока лет прошло, а помню!

Поезд у нас был неудобный, утренний. Ехать надо было сутки. Весь день между ленивой дремой мы разговаривали о Дейнеке, Грабаре, Павле Корине и прочих интересностях реставрационной работы. И о том, почему картина Репина «Иван Грозный убивает сына Ивана» часто бывает на реставрации – холст приехал из-за границы и был халтурщиками-изготовителями для быстроты высыхания присыпан тальком. И еще мы периодически выбегали покурить в тамбур. Пока к вечеру не устали, нас сморило от недосыпа. Но с летнего времени проводницы еще не перешли, и одеял нам не досталось, только влажноватые простыни. А ночи-то были уже холодными. К утру у всех была ощутимая температура и кашель. В Москву мы приехали сурово простуженными. У художников оставалось несколько дней до выхода на работу, а мне буквально через день в ночь надлежало лететь в Казахстан. Полутора суток мне хватило, чтобы собрать снаряжение для поездки в пустынные условия, подобрать одежду и обувь, поговорить по телефону с мамой, поссориться и помириться с подругой тоже по телефону, потом таки провести с ней первую половину дня – во второй ей было на работу. И все же на финише мы поссорились – она заявила, что ей надоели мои отъезды, и гневно ушла. А во второй половине дня я с другом детства отправился на Волхонку, где в музее проходила знаменитая выставка «Москва – Париж». Друг – художник и поэт – загодя позаботился о досуге человека, живущего в отрыве от культурной жизни. Весь город туда ломился, а предприимчивые музейщики-жлобы продавали билеты только на одночасовые сеансы. Это было, конечно, издевательство – гигантскую экспозицию осмотреть за час невозможно. Запомнился только дельтаплан Татлина и модель его башни, пестрые картины Машкова, пейзаж Ренуара с деревьями, похожими на черные водосточные трубы, пронзительный Павел Филонов, которого мы увидели впервые, а также Фернан Леже и Анри Фужерон. И, конечно, Пиросмани с Шагалом – в те времена их выставляли мало и редко. У картины «Полет», где изображена летящая над огородами Витебска влюбленная пара, стоял шум и галдеж. Там собралась группа ценителей, наперебой пытавшихся разгадать символику Шагала. Особенно их почему-то донимал зеленый козел. Почему он зеленый? Задавались они вопросом на полном серьезе и яростно спорили. Я не удержался, выдвинулся в гущу толпы и вставил свою шпильку. С самым умным видом я сообщил им, что козел просто наелся зеленой травы. Они приняли мой стеб как серьезный аргумент. Мне, с моей температурной головой, хотелось еще продолжить развлекаться, но друг утащил меня подальше и, отсмеявшись, отчитал, мол, нехорошо издеваться над людьми, считающими себя знатоками.

Ночного полета я почти не помню – был сплошной больной сон. Оставалась надежда, что на жаре я быстро поправлюсь. Солнце меня прожарит. Но солнце меня не прожарило – я мучительно кашлял добрых недели две, особенно неприятно было ночами. А два дня мне с температурой даже пришлось провести в палатке, наблюдая в откинутый полог бесконечную плоскость казахской степи – всю в мареве от свирепой жары. Контраст между уютным Львовом и раскаленным миром под чашей белесого неба был нестерпим. Я лежал и напевал песенку про Казахстан уфимского друга, чудесного барда Коли Грахова:

Кустик здесь и кустик там –
Это, братцы, Казахстан.
Изредка сухой ковыль,
А вокруг песок да пыль.
Здесь равнина, нету гор.
Ветер гонит грязь да сор.
И палящий солнца диск
Давит вас за шею вниз…

А время тянулось бесконечно, потому что была молодость.

И все в жизни было впереди.

МАРАФОН НА ДВОИХ

Гванджи МАНИА

Перевод: Инга ШАДУРИ

Посвящается верным сынам Грузии, которые донесли до наших дней древнейшие приемы и тайны мореходства и плавания; посвящается также всем, кто, не умея плавать, стал жертвой стихии; и наконец, посвящается дочери тихоокеанского прибрежного города Марине, где бы она сейчас ни была, – связанное с ней воспоминание и побудило меня в возрасте 87 лет написать этот рассказ.

Спустившись с Кавказских гор в Гагра, я поставил палатку прямо на берегу моря. Мне было 23 года. Мне не было дела ни до гостиниц, ни до пансионатов. И сил было с избытком, и колени были крепкими. В начале августа мы с другом из родного города Джвари, что стоит на берегу Энгури, направились в Местиа, где перед нами как на ладони раскинулся Большой Кавказ, и были видны Тетнулди и Ушба.

Через перевал Бечо мы перешли в Баксанское ущелье. Обошли Эльбрус. В Теберде, в Домбайской долине разбили лагерь, совершили восхождения на местные вершины. Повидали общего друга в Домбае. Уже втроем переплыли приток Кубани – Лаба. Затем через перевал Санчаро попали в Абхазети, Бзыбское ущелье. Отведали минеральные воды Аватхара и искупались в озере Рица.

Покорение вершин и плавание в подгорных озерах хороши (хотя, когда я вошел в ледяное озеро Джихви, то с трудом добрался до другого берега, и если бы мне стало плохо, никто не смог бы меня вытащить), но в теплом море и на пляже тоже приятно.

Спустившись с гор, мы расстались. Одного в Бичвинта ждали сестра и невеста, другого – абхазские друзья в Гудаута и Новом Афоне. Я прибыл в Гагра один, свободный, как птица, и был полновластным хозяином своей палатки.

Холщовые брюки, ситцевую рубашку, сандалии и часы оставляю на берегу. Завернутые в платок часы сперва зарываю в гальку (уже наступил полдень), потом сверху кладу одежду и накрываю камнем. Вхожу в море.

Вижу – за буйком, довольно далеко, плывет кто-то в белой купальной шапочке. Как правило, так далеко отдыхающие не заплывают. Они предпочитают плескаться у берега, в морской пене. Море-то они любят, но большинство его боится. Все это вызывает улыбку, но ко мне, крещенному в быстринах Магана и Энгури, это не относится. Мне даже немного жаль людей, барахтающихся у берега, как маленькие дети. Интересно, кто это там, вдали? Кто этот смелый, бесстрашный человек? Приближаюсь быстрым мхарули (плавание со взмахом предплечий – *прим.ред.*). Оказалось – это русская девушка.

Здороваюсь и спрашиваю:

– Не боишься заплывать так далеко?

Она смеется:

– Я плаваю с четырех лет, живу во Владивостоке, чемпионка Дальнего Востока по плаванию, у меня и отец, и дед – моряки... Хочешь, вместе поплывем?

– Охохо... Хоть до Варны, хоть до Бургаса, – говорю я, и мы устремляемся к горизонту.

Плывем то молча, то разговаривая.

Ее звали Марина. Морское имя. Своего имени не называю, говорю, что не сможет произнести, поэтому зови, мол, меня Серегой. – Нет, – говорит, – назови, произнесу... Меня охватывает желание пошалить, и я говорю, что меня зовут Джонджги. Д-ж-о-н-д-ж-г-и – такое действительно трудно произнести. Для русских и Гванджи нелегкое имя, но Джонджги – это уж слишком!

Между нами достаточное расстояние – такое, чтобы не мешать друг другу. Она настоящий профессионал. Плывет то кролем, то брассом, то баттерфляем... То переворачивается на спину и быстро-быстро работает ногами. Я с трудом поспеваю за ней.

А ведь и я хорошо тренирован. В нашем дворе перепрыгиваю с ветки на ветку, как Тарзан, огибая всю крону дерева. То подтягиваюсь на перекладине, то отжимаюсь от пола. Както, на спор, одолел все ступени лестницы пятиэтажного дома, прыгая на одной ноге, а в этом

месяце покорил три 3000-х вершины и одну 4000-ю на Кавказиони.

В плавании я тоже не новичок. Но мой гордули (лягушачий) не похож на Маринин брасс. Она время от времени погружает голову в воду и мощно рассекает руками воду. Потом переходит на баттерфляй, и я не могу ее догнать. Она с силой загребает обеими руками, выпрыгивает из воды, как дельфин, совершая движения туловищем и ногами. Когда устает, ложится на спину и так плывет.

Плавать, как дельфин, могу и я, но только прижав руки к телу. Показываю, как нужно плавать, двигая не ногами и руками, а только телом, как дельфин. Объясняю, что такой вид плавания придумали мы, грузины. Когда пленных девушек и юношей везли на кораблях на продажу в Османскую империю, у того, кому удавалось спрыгнуть с борта, не было другого выхода, кроме как плыть с завязанными руками и ногами...

Рассказываю ей, что у нас плавали и на плоской продырявленной доске, и на надутом бурдюке, и на горькой тыкве.

Потом описываю метивури – плавание одной рукой. Потом – менчуруа, личное или командное состязание в прозрачной, чистой воде.

Солнце склонилось к закату. Мы продолжаем плыть. Набережная с маленькими, словно лачужки, домами скрывается из виду. Люди сперва уменьшились, а потом совсем исчезли из поля зрения. Мы так далеко от берега, что уже никто не сможет нас разглядеть, и если с нами что-то случится, никто нас не найдет...

Марина смеется. Говорит, что мать отправила с ней подругу, чтобы та позаботилась о ней.

– Мама меня поручила ей, чтобы она уделяла мне внимание. Теперь она будет бить тревогу. Сколько часов мы уже плывем!

Говорит о моряках – отце и деде... Я рассказываю ей об отце моей бабушки – Кела Эхваиа, о том, как он заманил конный отряд вторгшегося со стороны Абхазети Омара-паши в водоворот Энгури. Турки заставляли Кела показать им брод, и тогда он ночью, с поднятыми вверх руками, поплыл стилем зезела, заплыл далеко и притворился, что стоит, касаясь дна. И так, крича «идите, идите за мной!», он завел передовой отряд на середину реки. Понадеявшийся на «стоявшего на ногах» Кела авангард конников неожиданно оказался на губительной глубине, и бурная Энгури затопила его, завертела и понесла к морю.

Однако и самому Кела не пришлось долго плыть стилем зезела в октябрьской полноводной, снежно-ледяной реке: бойцы на другом берегу ожидали от своих знака, а когда не дождались, поняли, что с ними происходит что-то неладное, и осыпали «проводника» горячими пулями. Кела нырнул, а потом его и след простыл. Он устремился в сторону Одиши, направился в город Зугдиди и явился во дворец Дадиани как настоящий вестник-гонец.

Я показываю Марине, как нужно плыть стилем зезела, то есть стоя, с поднятыми руками. Ведь брасс и баттерфляй у меня так, как у Марины, не получаются...

Солнце то скрывается в облаках, то появляется. Склоняется к горизонту. Скоро наступит вечер. Мы отдалились от гагрского пляжа на большое расстояние. Но ни один из нас не сдается, и мы упрямо продолжаем плыть по Черному морю – «к Варне-Бургасу».

Однако двигаться стало трудно. Оба устали. К тому же подул ветер и волны вздыбились. Тучи, близится вечер, и потому все темнее и темнее. Города мы не видим, виднеются только снежные вершины и далекая бледно-голубая полоса гор.

– Надо возвращаться, – говорит Марина. – Тебе твоя грузинская гордость не позволяет, но если не вернемся, погибнем.

Я не спорю. Соглашаюсь, и мы возвращаемся.

Ветер крепчает. Волны мешают. Руки у меня болят от безмерного напряжения. Оба плывем медленно. Иногда кажется, что барахтаемся на одном месте и не продвигаемся.

– Так не получится, – говорит Марина. – Так мы не выберемся. Должны поочередно отдыхать. Один плывет, а другой держится за его спину и отдыхает. И так по очереди. А то силы иссякнут.

Вспоминаю погибшего в Гагра года два тому назад (как раз был мой день рождения) писателя Гурама Рчеулишвили (неужели и меня ждет та же судьба – на секунду закрадывается в сердце сомнение).

Крест я не ношу, время такое. Но на плавках у меня булавкой закреплен подаренный матерью красный талисман величиной с ноготок. Не знаю, какая в нем сила, но меня он пока не подводил – ни в горах, ни на равнине, а теперь должен помочь и в море. «Я обязатель-

Стиль плавания колхури – со связанными руками и ногами

но должен спастись», – говорю себе.

Наступает ночь, но на берегу виднеются отблески фонарей, и это немного обнадеживает. Плывем, стиснув зубы, безмолвно, слышен только плеск волн...

Добравшись до берега, там же и рухнули без сил, и лишь попозже с трудом, еле-еле поднялись. Я легко нашел свою одежду и часы, все лежало в целости и сохранности там, где я их оставил (да и кому нужны были поношенные холщовые брюки, рубашка и сандалии). А вот Мариниой одежды нигде не было видно. Я посмотрел на часы, было почти три.

Она продиктовала мне свой адрес и попросила принести ей платье – в городе, мол, я ведь не покажусь в таком виде.

Только я собрался отправиться в путь, как внезапно что-то пролетело над нашими головами и опустилось – это было Маринино платье! Ее подруга, оказывается, нервничала весь день, а теперь, рассердившись, не захотела даже заговорить с Мариной, швырнула ей платье и умчалась.

Марина оделась. Прежде чем проститься, мы договорились о встрече...

Я отправился в свою палатку и заснул мертвым сном...

Проснувшись, обнаружил письмо. «Дважды приходила повидаться, но ты так сладко спал, что не смогли тебя добудиться», – было написано в письме. Оказывается, с того времени, как я заснул, прошло два дня – проснулся на третий.

Адрес Марины – улица Колхидская, №7 – я помнил, но когда пришел, не застал ее, она вернулась в родной Владивосток. А хозяйка не знала ни ее адреса, ни телефона...

Я попал в этот тихоокеанский город годы спустя, когда вместе с коллегой-журналистом мы путешествовали по следам воспитанников Тбилисского государственного университета и искали выдающихся соотечественников. Конечно, я спросил о Марине, и мне сказали: «Наша Марина участвует в международном молодежном фестивале в Болгарии». Что мне оставалось делать? В тот раз мне пришлось одному плавать в тихоокеанской бухте Золотой Рог.

Одним словом, после Гагра я больше Марину никогда не видел. Осталось только светлое воспоминание о том, как мы плыли сперва «к Варне-Бургасу»… А потом, обессиленные, долго боролись с волнами, возвращаясь… Как не сдались и вместе благополучно завершили наш четырнадцатичасовой марафон...

P.S.

Прошли десятилетия, но я никогда не забывал то, что мы испытали и через что прошли во время нашего марафона на двоих. Более того, тематика морского спорта заняла одно из важнейших мест в моей жизни. Говоря словами грузинского поэта (в переводе на русский), «что раз в душе запечатлелось живо, то передастся правнукам на диво».

Первое, что я сделал, – опубликовал в главной газете страны письмо-призыв «Один плюс два». Его основной смысл заключался в следующем: каждый умеющий плавать соотечественник обязан научить плаванию двух других, те двое – еще по два человека каждый, и таким образом через некоторое время в Грузии все – от мала до велика – будут уметь плавать.

Затем последовали открытые уроки видов грузинского народного и классического плавания; демонстрация колхско-иберийских видов плавания и соревнования на рекорд в ареале Тбилисского водохранилища, Черепашьего озера, Черного и Мраморного морей, проливов Дарданеллы и Босфор; выставка, посвященная кругосветному мореплаванию грузин; теле- и радиопередачи, газетные и журнальные публикации; Тбилисский триатлон; международный сверхмарафон «Золотое руно» и многое другое.

Есть идея проекта по созданию на грузинском отрезке Шелкового пути уникального речного и сухопутно-конного туристического маршрута (500+500 километров, Тбилиси-Поти-Тбилиси): фарватер Мтквари-Квирила-Риони путешественники проходят на лодках-амфибиях, а возвышающийся между ними Лихский хребет и Боржоми-Харагаульский национальный парк – на лошадях, привычных к горным условиям.

Также нам очень хотелось полностью оживить маршрут колхского флота, преследовавшего похитивших Золотое руно аргонавтов, – провести 5000-километровый морской круиз-фестиваль между теперешними странами бассейна Черного моря и древней Элладой, а еще – марафон-реквием, посвященный нашим соотечественникам, погибшим в боях под Керчью в 1942 году – их было 90 тысяч... Увы, в силу различных причин мы не смогли достичь желаемого результата.

Гванджи Маниа

Гванджи Маниа – журналист, эколог, картограф, путешественник, краевед. Автор идеи «Тбилисоба» и инициатор проведения первого Дня города в октябре 1979 года. Основатель и председатель Союза по поддержке мировых достижений и путешествий «Георгий», член научного совета Географического общества Грузии, почетный председатель «Общества царицы Кетеван». Организатор и руководитель многих научно-спортивных экспедиций, а также соревнований и марафонов с целью установить мировые рекорды и рекорды для Книги Гиннесса. Кавалер ордена Чести. Почетный гражданин Тбилиси.

МОЯ АБХАЗИЯ

Вадим АНАСТАСИАДИ

Окончание

Рука над пропастью

Заканчивался очередной год на журфаке в университете. На носу были летние каникулы. Мы с приятелями договорились провести хотя бы месяц на берегу моря. На отдых надо было заработать деньги. Где? Размышляя на эту тему, я вспомнил друга нашей семьи – геолога Володю Шотниева, который недавно вернулся из продолжительной командировки на Кубу и теперь работал в Геологическом управлении в Тбилиси. Поехать в геологическую партию, пусть даже на месяц, – чрезвычайно интересно. Ведь это один из адресов той самой романтики, которой мы все тогда бредили. А к тому же... Дядя Володя в просьбе не отказал, и через некоторое время я и мой однокурсник Дмитрий Хачхарджи, которого одолевали те же финансовые проблемы, что и меня, были зачислены в Чхалтинскую геологическую экспедицию, работавшую в горной Абхазии. Надо было добираться до Сухуми, а потом...

По-птичьи нахохлившись, заведующий хозяйством геологической партии Цандеков долго обозревал нас. Потом заговорил, а вернее, запищал:

– Вертолет послать – 180 рублей потратить. Груз нету. Груз будет – пошлем. Скоро взрывчатка будет. На взрывчатка полететь будете. Звонить будете.

И убежал.

Не знаю, кто кому больше надоел: мы Цандекову или Цандеков нам? Все последующие дни мы висели на телефоне. Кричали в трубку, что уже надоело быть в Сухуми и что нам давно уже следует быть в геологической партии. Тщетно!

Разумеется, мы понимали, что Цандеков прав, и неразумно совершать ради нас двоих дорогостоящий перелет в горы. Но невозмутимость Цандекова выводила из себя.

И вот ежедневно, в двенадцатом часу ночи, мы стали стучаться в дверь его дома. Цандеков кряхтел, появлялся во дворе в ночной сорочке и долго протирал глаза.

Мы теребили его дня четыре и, видимо, переборщили.

В одно прекрасное утро он не ответил на наши звонки, и мы забеспокоились: куда же он делся? Безуспешно прождав его у дома до поздней ночи, отправились спать.

Утром нас разбудил телефонный звонок.

– За взрывчатка ездил. Завтра полететь будете. На взрывчатка, – выдохнул в трубку Цандеков.

...Недавно заснул при включенном телевизоре, а проснулся уже ночью – от звуков песни Высоцкого. Телевизионная передача про альпинистов была проиллюстрирована кадрами из культового кинофильма «Вертикаль». Запоминающиеся слова из песни: «Если друг оказался вдруг…». Зашел разговор о взаимопомощи и взаимовыручке в горах. Кто-то с телеэкрана привел такой эпизод: с вершины спускалась группа альпинистов, а рядом, на маршруте, от сердечной недостаточности умирал человек. Но никто даже не взглянул в его сторону. Я же вспомнил, как много лет назад мы в горах Абхазии почти 20 километров тащили на своих плечах москвича Данилу Платонова, сорвавшегося с горы близ Марухского перевала.

...Наша экспедиция базировалась в окрестностях рек Чхалта, Адангер, Маруха, а также перевалов с теми же названиями. Взгляните на карту – это высоко, очень высоко в горах. Жилище – хижина, сооруженная общими усилиями из стволов и ветвей деревьев.

Однажды ночью в хижину кто-то постучал. Шел проливной дождь. Мы уже погрузились в сон. У входа в наше жилище стоял парень, как оказалось, студент из Москвы. Пришел за помощью, преодолев многокилометровое расстояние. Взволнованно рассказал, что на Марухском перевале его однокурсник, с которым они совершали путешествие по Кавказу, сорвался с горы и получил тяжелые переломы. Надо было выручать. Выручать – это означало идти на Марухский перевал и на самодельных носилках, другого способа просто не было, выносить человека.

Спасательная операция обещала быть рискованной, и шесть опытных геологов, собираясь в нелегкий путь, предложили студентам, т.е. нам с Дмитрием, остаться в лагере. Но разве мы могли отказаться?!

Никогда не забуду, как преодолевали одну из горных речек, которая после вчерашнего ливня превратилась в бурный, кипящий поток. Через реку было переброшено бревно, по которому в обычное время смельчаки могли перебраться на другой берег. Но разбушевавшаяся река накрыла бревно. Даже сейчас вспомнить страшно, как мы через нее перебрались... Наш проводник, молодой сван, первым преодолевший препятствие, привязал над бревном по обе стороны реки веревку, держась за которую все мы, по очереди, преодолевали бурный поток. Помню, где-то на середине реки у меня закружилась голова, захотелось присесть, но я понял, что если присяду, то уже не поднимусь, и нашел в себе силы продолжить движение.

Перед тем, как отправить носилки с Данилой Платоновым в цандековский вертолет, вызванный из Сухуми для транспортировки студента в больницу, мой друг Дмитрий Хачхарджи пошутил: «Приеду в Москву, Данила, с Курского вокзала до ГУМа тащить меня будешь...»

А месяц спустя на страницах газеты, которую я сейчас редактирую, появилась заметка под названием «Рука над пропастью». Там были приведены строки из письма в Геологическое управление Грузии: «Мы,

Джемал Антия, Вадим Анастасиади, Сергей Мирзоян и Валерий Пилия

студенты Московского инженерно-физического института, приносим глубокую благодарность работникам Чхалтинской геолого-поисковой партии, спасшим жизнь нашему товарищу Даниле Платонову. Мы всегда будем помнить имена Г. Коринтели, П. Чичинадзе, А. Пирвели, Г. Цимакуридзе, В. Анастасиади, Д. Хачхарджи. Мы будем помнить крепкую руку вашей помощи, протянутую в трудную для нас минуту над пропастью».

По следам «Чугунного зуба»

Не знаю, с чем это связано, возможно, с жарким солнцем или, быть может, близостью к морю, но каждый сухумец, помимо того, что он прекрасный рассказчик, еще и немного фантазер, человек, склонный ко всякого рода преувеличениям, что не мешало мне, однако, искренне любить многих из них, как я любил, к примеру, Джемала Антия, проработавшего на различных комсомольских должностях большую часть отпущенной ему жизни. Мы встречались либо в Абхазии, если туда меня забрасывали журналистские пути-дороги, либо в Тбилиси, когда он приезжал в столицу на какое-нибудь совещание. Обычно разговор, начатый в служебном кабинете или редакционной комнате молодежной газеты, где я тогда работал, получал продолжение в закусочной или ресторане. Выбор места, естественно, зависел от наших финансовых возможностей.

В комсомольской среде Джемал слыл «белой вороной». То, за что в другой аудитории удостоили бы похвалы, в этой – вызывало насмешки. По многим вопросам его мнение расходилось с мнением «руководящих товарищей». Сколько раз бывало: выступает на совещании кто-нибудь из комсомольских «вождей» и говорит одно, вслед выступает Джемал и говорит нечто противоположное. Причем опирается на собственный опыт, тут же с трибуны спешит о нем рассказать, сыпет примерами. Там, по-моему, и услышал я от него историю о Юрке «Чугунном зубе» – Юрии Якубовском, молодом сухумском парне, бывшем уголовнике. Совсем еще мальчишкой Якубовский попал в дурную компанию, оказался в воровской шайке, был осужден. Вернулся из мест заключения и… оказался в «сетях» Джемала Антия, который решил избрать молодого парня объектом своего шефства. Дошло до того, что он поселил бывшего вора в своей квартире. Они чуть ли не побратались: вместе ели, пили, гуляли, ходили в кино. Тема, согласитесь, интересная, и, вернувшись в редакцию, я внес в свой план работы на очередной месяц поездку в Абхазию.

В Сухуми я попал уже под вечер. В горкоме комсомола, где в то время работал первым секретарем Джемал, естественно, никого уже не было, но Антия был заметной фигурой в городе, и найти его в летний вечер на приморской набережной не составляло труда. Как ни странно, Джемал ничего не знал о нынешнем местонахождении Юрки, хотя, согласно той «картине», которую он рисовал перед комсомольским активом, «Чугунный зуб» без его ведома не ступал и шагу. Принялись искать. Взяли машину и объездили чуть ли не весь Сухуми, даже такие его закоулки, где я ни до, ни после этого никогда не бывал. Джемал входил в какие-то темные подворотни, похожие на притоны. Откуда появлялся через некоторое время в сопровождении каких-то подозрительных субъектов. Но Юрки не было нигде. Наконец, уже глубокой ночью, мы нашли «Чугунного зуба» у какой-то его пассии, причем нельзя было сказать, что он очень обрадовался нашему визиту. Во время разговора герой моего будущего очерка в основном помалкивал и лишь редкими кивками головы сопровождал живописный рассказ Джемала о своем нравственном исцелении.

История эта закончилась появлением на страницах молодежной газеты материала под названием «Конец «Чугунному зубу». Ясное дело: я отмел прочь собственные сомнения в нравственном исцелении Якубовского, взяв за основу версию Джемала. Одна фраза из того очерка в моей памяти запечатлелась особо. «Он пребывал в том прекрасном возрасте, когда люди презирают лифт и взбегают на пятый этаж одним махом», – написал я о Юрке, имея в виду, разумеется, самого себя, ежедневно взбегавшего на пятый этаж нашего тогдашнего редакционного здания. Многим запомнился и заголовок материала. Например, если после работы мы оказывались в каком-нибудь питейном заведении и количество бутылок на столе начинало зашкаливать, мой заведующий отделом Владимир Валерьянович Осинский громко восклицал: «Конец «Чугунному зубу!» И мы, хоть и не очень охотно, но достаточно быстро закруглялись. Что касается Джемала Антия, то жизнь его завершилась трагически. Находясь спустя несколько лет на учебе в партийной школе в Баку, он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна верхнего этажа общежития. Светлая ему память…

Мой друг Павлик Квачахия

В Гали Павлик Квачахия работал вторым секретарем райкома комсомола. Это был невысокого роста крепыш с рыжими волосами. За глаза многие так его и называли «рыжим». Несмотря на молодость, он уже был отцом двух девочек, но не терял надежды обзавестись

еще и пацаном. Забегая вперед, скажу, что удалось ему это не сразу. Третьим ребенком у Павлика снова родилась девочка. Зато четвертым стал долгожданный сын.

Возвращаюсь к нашему знакомству. Весь день мы проездили по району. Я общался с местными передовиками сельскохозяйственного производства, чаеводами и кукурузоводами. Обращало на себя внимание то, что всех этих людей Павлик знал лично, всюду его тепло приветствовали, многие сжимали в дружеских объятиях. Я уже был стреляным воробьем и помнил, что комсомольских секретарей не всегда и не везде встречают таким образом.

В том году в моем журналистском блокноте появились записи о знатном кукурузоводе из Гальского района, собирателе высоких урожаев, Герое Социалистического Труда Чоколи Квачахия и его односельчанине, тоже кукурузоводе, руководителе комсомольско-молодежного звена Карло Джобава, горевшем желанием своим упорным трудом на колхозной ниве обрести такую же славу.

Из-за прошлогодней засухи и неурожая Грузия тем летом испытывала дефицит вина. В небольшой закусочной на окраине села подавали только молдавское «Альб де Масе», зато вкусно пахло пряностями и жареным мясом.

А потом мы с Павликом, стянув с себя рубашки и брюки, сидели на берегу какой-то горной речки, обжигаемые горячим абхазским солнцем. Я шагнул в ледяную воду, попытался нырнуть, но ударился животом о дно. Речка была неглубокая...

Тем вечером мы отправились на ночлег домой к Павлику. Дом был старенький, но удобный, оборудованный в стиле мегрельской оды. Посреди главной комнаты висел котел, в котором попыхивала и булькала мамалыга. Павлик представил меня семье: жене, матери и отцу, бабушке. Все было душевно и тепло... За вечерними беседами с дядей Лаврентием, отцом Павлика, мы засиживались те несколько дней, что я оставался в семье Квачахия, иногда до полуночи.

Отец Павлика работал в Сухуми, там у него была трехкомнатная квартира на приморском бульваре, в двух шагах от городского пляжа. Как-то летом, по предложению Павлика, туда отправились на отдых моя мама со своими тремя племянницами. Разумеется, этот отдых проходил под патронажем дяди Лаврентия, который ни одним словом и ни одним жестом не дал почувствовать, что столь многочисленные гости могут стать ему обузой.

Мое пребывание в семье Павлика запомнилось одной смешной историей. Утром мы с Павликом собирались на встречу с уже упомянутым Чоколи Квачахия. Я, решив предстать перед знатным тружеником в надлежащем виде, взялся погладить брюки, включил утюг, приступил к глажке, на что-то отвлекся и... прожег на столь важной части своего одеяния огромную дыру. Что делать? Мама и жена Павлика стали искать в семейном гардеробе какие-нибудь брюки мне на смену. Но я, по сравнению с остальными членами семьи Квачахия мужского пола, был великаном. То, что они нашли, а я с грехом пополам напялил на себя, выглядело комично, смешно, по-чарличаплински. Но домашние умелицы какими-то одним им известными чудодейственными способами довели брюки до нужной кондиции, после чего мы с Павлом отправились на назначенную встречу.

Из Гали, где Павел вскоре стал первым секретарем райкома комсомола, его перевели в комсомольский обком вторым секретарем. Потом была работа в Очамчире председателем райисполкома. А заканчивал свою карьеру в Абхазии Павел Квачахия в ранге заведующего организационным отделом обкома партии.

Павлик был человеком, отдававшимся дружбе без остатка. Каждый, кто с ним общался, хорошо это чувствовал. Вынужденный перебраться в Москву после известных событий в Абхазии, которые он сполна, вплоть до пешего перехода через Кодорское ущелье вместе с тысячами своих соотечественников, испытал на себе, Павлик с семьей поселился у своего комсомольского друга в Москве.

Юрий Гавва и Павел Квачахия

Павел Квачахия работал в грузинском посольстве, как и мой друг и однокурсник Юрий Гавва, тот самый главред «Советской Абхазии», оказавшийся там после падения Сухуми и тяжелого трехмесячного гудаутского плена. Я рад, что в свое время познакомил Павлика и Юру и, возможно, каким-то образом способствовал зарождению их дружбы. Когда с Юрой произошел несчастный случай – он упал на улице в снежную холодную московскую зиму и повредил шейный позвонок, Павлик в буквальном смысле слова стоял у него над головой. Из Химок, где произошло неудачное падение, до операционной машина в сложных зимних условиях добиралась долго, хотя на счету была каждая минута. Тогдашний шеф больницы Склифосовского Могели Хубутия, близко знавший Павлика, лично курировал тяжелейшую операцию, которая позволила спасти Юру от инвалидности и дать ему возможность плодотворно работать и жить по сей день.

Увы, жизненные невзгоды не пощадили и самого Павлика. Умерла жена Тамара, верная спутница жизни. Сын Павлика, оставшийся в Москве после переезда отца в Тбилиси, скоропостижно скончался.

Сейчас Павлик живет в Тби-

лиси. Мы периодически созваниваемся и обсуждаем текущие жизненные перипетии.

Как Никита Сергеевич голову потерял

Колхоз «Дурипш» считался наиболее известным хозяйством в Абхазии, числился в списке преуспевающих хозяйств-миллионеров, считался своеобразной витриной автономной республики. Сюда возили больших сановников из Москвы, крутых чиновников из Тбилиси, зарубежных государственных деятелей. Неудивительно, что и во время исторического посещения Абхазии Хрущевым и Фиделем Кастро в 1963 году колхоз «Дурипш» значился среди обязательных адресов, который высокопоставленные визитеры просто не могли обойти вниманием. Моя скромная поездка в колхоз-миллионер проходила через несколько лет после того памятного визита. Как водится, я, спецкорр молодежной газеты, приехал в колхоз вместе со вторым секретарем Гудаутского райкома комсомола Эдиком Тамбия. Знакомство с хозяйством началось с посещения сельсовета. Его председателем был весьма представительный мужчина высокого роста. Создавалось впечатление, что ему тесно в небольшом кабинете. Мы побеседовали с председателем, а затем вместе с ним отправились в правление колхоза. Не в пример многим другим хозяйствам в тогдашней Грузии, оно, как и приличествовало крупному колхозу-миллионеру, размещалось в новом и крепком двухэтажном здании. Поднимаясь на второй этаж в кабинет председателя, я увидел на стене огромную картину, запечатлевшую визит в преуспевающий колхоз товарища Фиделя. Снятый к тому времени со всех государственных и партийных постов, Никита Сергеевич на картине, естественно, отсутствовал. Был председатель колхоза, были передовые колхозники – Герои Социалистического Труда. Словом, все, кроме Хрущева. Я остановился у картины и стал внимательно ее рассматривать. «А кто этот человек, который чуть ли не обнимает Фиделя? Уж очень знакомое у него лицо», – поинтересовался я у председателя сельсовета. «А это я», – скромно, потупив взор, ответил он. «Неужели?!» – недоверчиво воскликнул я. Дело в том, что человек, изображенный на полотне, был чуть ли не на две головы ниже Фиделя Кастро, тогда как мой собеседник, как я уже сказал, был человеком высокого роста. «Тут такое дело, – пояснил руководитель сельсовета. – После визита высоких гостей в колхоз правление заказало одному известному сухумскому художнику большую картину. На переднем плане, естественно, Фидель и Никита. Выложили за картину крупную сумму денег. Но к тому времени, когда художник завершил работу, Хрущева уже сняли, обвинили в волюнтаризме и прочих грехах. Что делать? Не выбрасывать же картину. Судили, рядили и, наконец, решили заменить лицо Хрущева лицом какого-то другого местного руководителя. Но чьим? Все наиболее известные люди нашего колхоза на картине уже были изображены. Не было только меня. Я тогда в другом месте работал. Словом, выбор пал на меня. Не мог же Фидель на картине с каким-то безвестным человеком так тепло общаться. Конечно, с ростом получилась неувязка, но другого выхода не было».

С тех пор прошло много лет. Трудно сказать, какая судьба постигла за прошедшее время картину, запечатлевшую громкий визит вождя кубинской революции в знаменитое абхазское село. И известно ли кому-нибудь о том небольшом секрете, который когда-то раскрыл мне председатель Дурипшского сельсовета?

«Когда еще увидимся?»

В коридоре молодежной газеты меня окликнул Мик Сависко, корреспондент отдела культуры, моложавый прибалт, тогдашний муж Коры Церетели, уже в ту пору известной журналистки из «Зари Востока».

– В Абхазию хочешь поехать? – спросил Сависко.

Сами штатные сотрудники, сытые разными поездками по горло, ездили в командировки неохотно. Мы же, студенты журфака, готовы были мчаться в любое путешествие хоть сию же минуту.

– Хочу! – не задумываясь, ответил я.

Поезд прибыл в Очамчире рано утром. Часа три я проторчал у дверей райкома комсомола в ожидании начала рабочего дня, а потом еще полдня маялся в разных райкомовских кабинетах, пока местное комсомольское начальство нашло машину, которая доставила меня не в Поквеши, куда я держал путь, а до Акваске, разъезда на квезанской железнодорожной ветке. Ехать дальше водитель отказался: мост через безымянную речушку, неожиданно вставшую на нашем пути, был полуразрушен. «Никакой транспорт не пройдет», – уверенно резюмировал водитель. Словом, хочешь не хочешь, а пять километров, отделявшие меня от конечной цели путешествия, пришлось преодолевать пешком.

В том 1963 году уроженца Поквеши Володю Пачулия, закрывшего своим телом амбразуру гитлеровского дзота и повторившего таким образом подвиг Александра Матросова, посмертно наградили боевым орденом, и меня, приехавшего

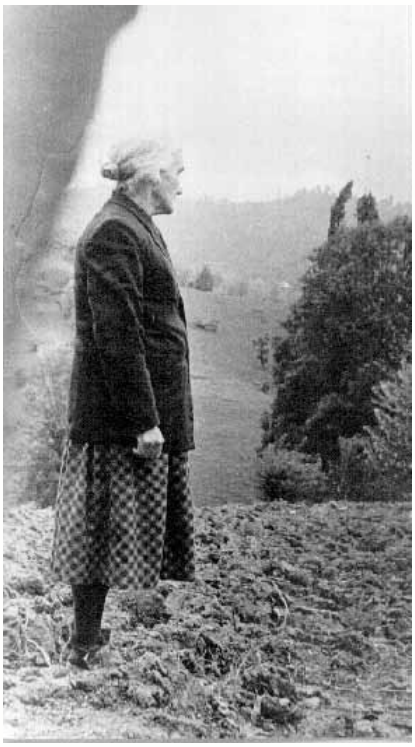

Вадим Анастасиади.
На пути от Поквеши до Акваске

писать очерк о семье, близких и односельчанах погибшего воина, встречал у калитки своего дома Шота Пачулия, 36-летний в ту пору младший брат Володи.

Две недели назад он, как оказалось, впервые в жизни закурил сигарету. И то в самолете, когда летел на Украину, в село Ракивчик, где, как теперь выяснилось, погиб брат. Уж очень волнительным было то путешествие.

Отмечали награду Володи Пачулия в Поквеши всем селом. Нижнее пространство пачулиевского домика было густо набито людьми. Возглавлял застолье председатель правления местного колхоза, принявшего активное участие в организации семейного праздника. Долго за столом соседи не задерживались: приходили и уходили одни, на их места усаживались другие… Провозглашали тосты – не только за Володю, но и за других

Агра, мать Володи Пачулия

поквешцев, павших в годы той великой войны. Воспоминания были яркие: люди говорили о героях, которых знали лично, ведь всего ничего – каких-нибудь двадцать лет прошло с того страшного времени.

Поквеши – с абхазского на русский язык за тем столом местные старожилы перевели с гордостью: село, рождающее героев. В точности этой формулировки сомневаться не приходилось – двадцать четыре парня из одной только школы, в которой учился Володя Пачулия, в первые же дни войны отправились на фронт. Редкие вести с передовой радовали мало. Дела у Красной армии складывались тяжело. Стали приходить похоронки. В селе остались одни женщины, работавшие в поле и за себя, и за ушедших воевать мужей с сыновьями. Среди них была и Агра, мать нашего героя.

Семейство Пачулия

Весть о гибели Володи пришла в Поквеши в 1943 году. И вот сейчас – боевая награда.

В доме у Пачулия в ту далекую пору я прожил два дня, но мы расставались, как родные. На прощание я собрал во дворе дома пачулиевскую семью и на память сфотографировал всех: от мала до велика, включая маленького Володю, названного в честь погибшего дяди, он стоит на фотографии справа, рядом с самой младшенькой из Пачулия.

Провожать меня до Акваске вызвался Шота. Гостеприимный хозяин посадил меня на лошадь, а сам шел пешком. Лошадь была молодая, ей не терпелось понестись вскачь, а я был неважным наездником и с трудом усмирял ее нрав.

«Приедешь еще?» – не из чувства вежливости, а совершенно искренне поинтересовался на прощание Шота. «Обязательно приеду!» – не менее искренне пообещал я.

К сожалению, свое обещание удалось выполнить лишь много лет спустя, в самом конце 80-х годов, незадолго до начала драматического грузино-абхазского противостояния. Был почти рядом, в Очамчире, решил заехать в Поквеши, благо, была машина до Акваске...

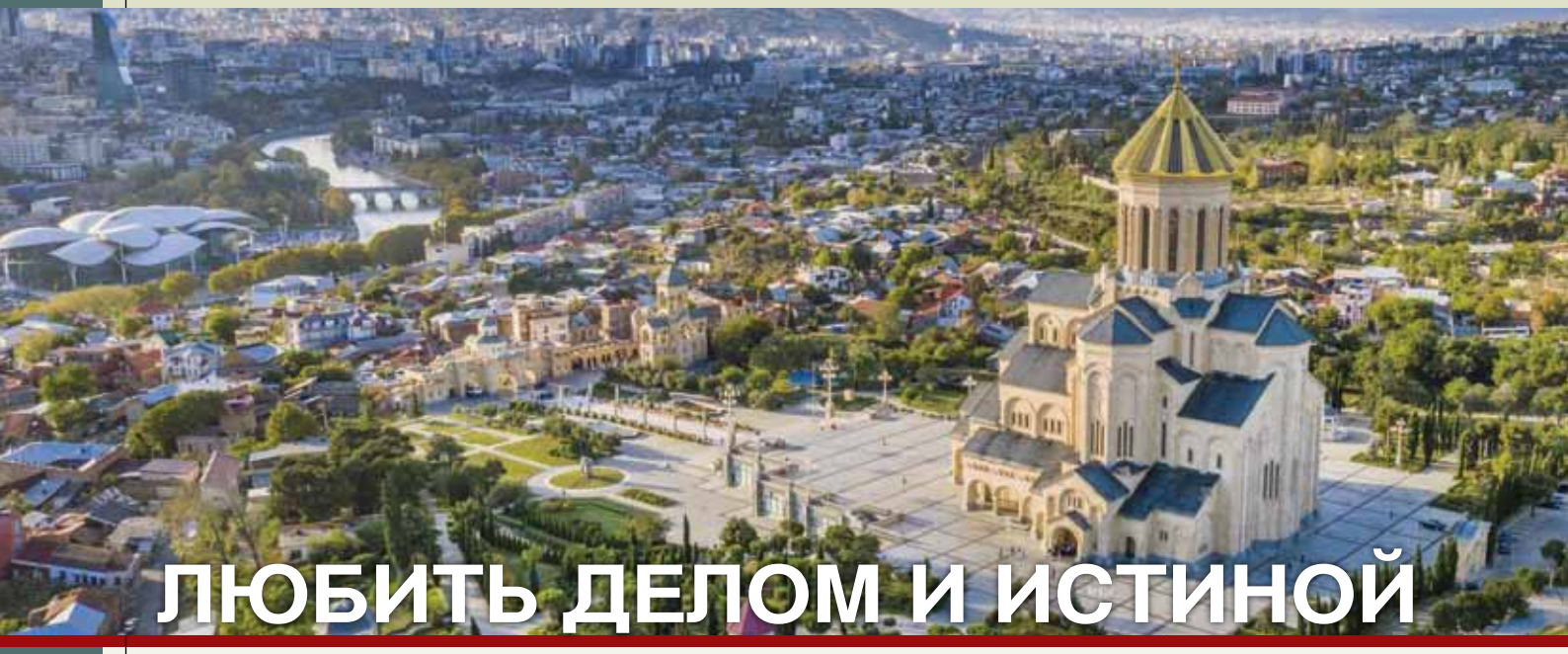
И опять, как в тот памятный визит, стояло лето. Дул легкий ветерок. По обе стороны дороги шелестели высоченные деревья.

Как и ожидал, моя нынешняя поездка в Поквеши навеяла грустные воспоминания. Многих из тех, кого я знал в этом небольшом горном абхазском селе, уже не было в живых. Давно скончалась старая Агра, мать Володи. И провожал меня из Поквеши уже не Шота, который тоже давно отправился в мир иной, а его племянник Володя, сын сестры, запомнившийся мне в свой прошлый приезд еще мальчуганом.

Мы шли по выщербленной ветрами дороге, мимо сочно цветущих яблонь, по отремонтированному мосту над той самой безымянной речкой...

И вдруг все повторилось: молодой Володя на прощание задал мне тот самый вопрос, который когда-то задал Шота: «Приедете ли еще раз, дядя Вадим, когда свидимся?». Увы, ответа на этот вопрос у меня не было, и я не нашелся что сказать: две части некогда единой Грузии стояли на пороге большого и трагического раскола. Беда надвигалась…

– Настанет день, наступит час, Володя, свидимся, обязательно свидимся! – только и мог вымолвить я.

ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

Митрополит Анания ДЖАПАРИДЗЕ

Перевод: ***Владимир ДОЛИДЗЕ, Натела ХУРЦИЛАВА***

XIII ВЕК

Цветущую во времена царицы Тамар страну при царствовании Русудан (1222-1245) захватили монголы. Этому предшествовало нашествие Джелал-ад-дина и разорение Тбилиси в 1225 году. Против хорезмшаха Джелал-ад-дина во главу грузинского войска Русудан поставила атабага Иванэ Мхаргрдзели (атабаг – воспитатель наследника и управитель его удельного имения). Сражение произошло близ поселения Гарни в Армении, которая в то время находилась в границах Грузинского государства. Грузинское войско потерпело поражение. Причиной поражения стали внутренние распри и зависть.

В сражении передовыми частями командовали Шалва и Иванэ Ахалцихели из Месхети. Главнокомандующий должен был своевременно послать им в помощь подкрепление, однако, несмотря на неоднократные просьбы, атабаг Иванэ им не помог. Иванэ Ахалцихели был убит, а Шалва – взят в плен. Джелал-ад-дин с большим почетом обращался с ним, долго уговаривал, пытаясь обратить в свою веру, но не смог сломить его. После многих страданий Шалва принял мученическую смерть и был причислен к лику святых.

По словам летописца, основа падению и разорению Грузии (сперва хорезмцами, а затем монголами) была заложена именно в ту войну. В сражении у Гарни грузинское войско вообще не воевало, за исключением малочисленного отряда под руководством братьев Ахалцихели, оказавшегося в одиночестве перед лицом бесчисленного врага. Главнокомандующий атабаг Иванэ Мхаргрдзели отступил и закрылся у себя в крепости. Мандатуртухуцеси (начальник военной полиции), также Мхаргрдзели, Шанше, позаботился лишь о своей собственной вотчине (Аниси). Заключил мир с хорезмцами и их родственник Варам Гагели. Другие регионы Грузии подверглись страшному опустошению.

Войско Джелал-ад-дина окружило Тбилиси. Русудан перебралась в Кутаиси, оставив защищать столицу отряды во главе с воеводами Бидзиной и Боцо. Тбилисские персияне предательски открыли врагу ворота города. Тбилиси превратился в арену боев. Враг безжалостно истреблял горожан. Джелал-ад-дин распорядился снять купол Сионской церкви и на его месте поставить трон, в начале моста сложить лики Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы (святые иконы). Плененным христианам было приказано пройтись по ним. Отказавшихся тут же убивали. Число убиенных достигло ста тысяч…

С начала XIII в. объединенное монгольское государство под предводительством Чингисхана покорило значительную часть Азии и Европы – Северный Китай, Центральную Азию, Иран, Афганистан и другие страны. Как сообщает грузинский летописец, монголы шли походом «на половцев, к хазарам и на Русь до самого Заполярья». На западе они приблизились к европейским центрам – «до болгар и сербов».

Удивительно, но факт, что такое сверхсильное государство не смогло захватить всю Грузию и упразднить грузинскую государственность. Ведь Западную Грузию монголы никогда не завоевывали, и центр грузинского царства был перенесен туда. В пору нашествия основных сил монголов во главе государства стояла царица Русудан – личность, по словам Ив. Джавахишвили, неопытная и непри-

годная для управления страной. Могли ли руководство страны и главнокомандующий не прекращать борьбу и противостоять монголам? Наверное, могли. Об этом говорит и тот факт, что, несмотря на неоднократные попытки, монголы ни разу не смогли проникнуть в Западную Грузию.

Монголы захватили Восточную Грузию фактически без боя. В такое время грузинская церковь посчитала необходимым успокоить народ. Чкондидский епископ решил снова объединить Грузию в единую страну. Приблизительно в 1242 году «царица Русудан послала Арсена Чкондидели – канцлера (мцигнобартухуцеси) – в Поволжье к хану Батыю». Арсен добился заключения мира с монголами, в силу которого высшая монгольская власть признала единое неделимое Грузинское государство во главе с грузинским царем. Восточная Грузия брала на себя определенные обязательства, Западная же, как незавоеванная сторона, от обязательств освобождалась, хотя данью была обложена вся Грузия.

В 1259 году один из восседавших в Тбилиси двух грузинских царей, Давид Нарин – сын Русудан, – восстал против монголов и перешел в Западную Грузию. Впоследствии эта часть Грузии вышла из-под господства монголов, и ее правители продолжили прежнюю грузинскую государственную политику. К сожалению, при монгольском господстве Грузия, по политическим соображениям, была разделена на три части: Восточную, Западную и Южную. Но их объединяла грузинская церковь. Именно в силу этого границами своей страны грузины по-прежнему считали Дербент и Никопсию.

Г. Гегечкори. Царь Деметре II

Здесь же следует сказать, что в действительности граница Восточной Грузии проходила по «Белой речке» (или Ахсу) , откуда до Дербента или Каспийского моря всего 60-70 км. Эта река представляла собой восточную границу этнического грузинского населения не только при монголах, но и в прежние века. Например, когда во второй половине X в. объединились Кахети и Эрети, их земли простирались до реки Ахсу. Здесь проживали грузины, в частности эры. В дальнейшем, в силу того что вблизи этих мест монголы устроили пастбища, население покинуло их или выродилось.

Граница Южной Грузии проходила по р. Аракс (Рахс). Ани и Двин по-прежнему считались грузинскими городами. И Тао принадлежало Грузии. Среди заговорщиков Кохтастави упоминаются и таойские дворяне. При княжении Бека Джакели в Месхети в границах Грузии находилась даже Чанети близ Трапезунда, которую уступила Византия. Отметим, что семья владетельных князей Самцхе, Джакели, была истинно христианской, богобоязненной, чтила духовенство, епископов, монахов. Бека возводил монастыри и церкви, с глубоким почтением относился к монахам, к духовенству. Он не пропускал ни заутреню, ни обедню, ни вечерню, и его войско молилось вместе с ним. И Бог был милостив к ним.

Границей Западной Грузии являлось Черное море до Никопсии (Туапсе).

В жесточайшую пору засилья монголов грузинский народ сохранил свои национальные границы, государственность, чувство этнического единства, тогда как соседние народы потеряли даже этническое лицо. Дело в том, что монголы не смогли поселиться в Грузии, а территории близ Грузии – Ран, Муган, Ширван, а также земли Армении – превратили в свои зимние и летние стойбища. Наши соседи албанцы, потеряв при тюркско-сельджукском нашествии свое этническое лицо, при монгольском господстве полностью исчезли, а армянские беженцы находили приют в Грузии и других странах.

Примечательно, что монгольскому произволу грузинский народ противопоставил высокую христианскую мораль, любовь к ближнему, взаимопомощь и самоотверженность. Многие грузины положили жизнь за спасение ближнего и отечества своего. Жертвовали собой не только рядовые грузины за спасение царя и отчизны, но и цари во имя спасения своего народа. Могут подумать, что грузины жертвовали собой в ожидании вечного спасения. Разумеется, было и это, но к концу монгольского господства. Вначале монголы не притесняли христиан (они еще не приняли мусульманство), поэтому жертвовать собой во имя веры стало необходимым позже. Ислам стал государственной религией монголов лишь при Газан-хане (1295-1304). Вскоре в Грузии слово «татарин» стало синонимом не монгола, а магометанина вообще. Интересно, что, по данным летописца, монголы стали преследовать христиан по подстрекательству персов.

Общеизвестно самопожертвование царя Деметре II (1270-1289) во имя спасения грузинского народа. Деметре вел неподобающую для христианина жизнь. Монах Василий призывал его изменить образ жизни, но безуспешно. Однако в пору лихолетья грузинского народа он положил голову за отечество. Царь по своей воле отправился в Орду, где его заключили в крепость. В ожидании смертной казни ему представилась возможность бежать

Г. Гриневский. Деметре II прибывает к монгольскому хану

из Орды. Верные люди советовали взять лошадей и бежать ночью, говорили, что его ожидает верная смерть. Тогда царь ответил им: «Внемлите мне, ибо я с самого начала знал, что меня ожидает смерть. Но я положил голову свою и душу свою за народ. Если я сейчас убегу, неповинный народ будет опустошен, и какое благо для меня, если обрету весь мир, но погублю свою душу?» Казнивший Деметре 12 (26) марта 1289 года Аргун спустя несколько лет, обессиленный от недугов, был задушен в тот же день и час, когда обезглавили самоотверженного грузинского царя.

Именно за самопожертвование и любовь спасала Богоматерь грузинское войско при Аламуте. Монголы долго не могли взять эту крепость, осада продолжалась семь лет. В боях участвовало и грузинское войско. Владельцами Аламутской крепости были ассасины-мулиды, известные своим умением подкрадываясь убивать людей. Один из мулидов убил монгольского нойона Чагата. Монголы обвинили грузин и двинулись на них. Грузинские дворяне решили пощадить воинов и не сопротивляться многочисленным монголам, чтобы их гнев коснулся только знати. Все грузины трижды преклонили колени и совершили молитву Богородице: «Открой нам врата милости, блаженная Матерь Божья, чтобы почитающие Тебя не пали, а спаслись в бою от супостата-врага». Смилостивилась св. Богоматерь над грузинами и заставила убийцу признать свою вину.

Летописец передает множество случаев самоотверженности грузин, среди них следует назвать и славный подвиг св. Цотне Дадиани (1246).

Как видно из вышесказанного, хотя правители Грузии не смогли оказать серьезного сопротивления вторгшимся монголам, народ своей высокой духовностью за сравнительно короткий срок смог спасти Грузию и сбросить монгольское иго. В Восточной Грузии монголы господствовали 100 лет, притом они не смогли завоевать Западную Грузию. Самое главное, не произошло смешения грузин с турками и монголами, и грузины не ассимилировались с чужеземцами, тогда как разным народам монголы придали свой этнический образ.

Верность и любовь свойственны грузинам с древних времен, хотя, как уже говорилось, им не чужды и зависть, и вражда. Завидовали особо выдающимся людям. Зависть рождала вражду и отделяла друг от друга самых известных грузин. Это качество грузин было замечено и монголами: «Вы, грузины, не делаете добра друг другу», да и сами грузины хорошо видели этот свой недостаток: «Мы не подчинены друг другу». Видимо, и это свойство стало одной из основных причин того, что для борьбы с монголами не был создан единый грузинский фронт. Представители грузинской знати не смогли объединиться против монголов, хотя и по отдельности они представляли значительную силу.

Поражению Грузии способствовало, кроме внутренней распри, и ее географическое положение. Она оказалась между двух орд – смертельных врагов (Северная и Южная Орда). Перевалы Кавказа, подходы к Дарьяльскому и частично Дарубандскому (Дербентскому) перевалам находились в руках грузин, поэтому от вражды орд в первую очередь страдали именно грузины.

В это суровое время грузинское духовенство не только защищало христианство в собственной стране, но и распространяло его за ее пределами. Грузинские миссионеры проповедовали Евангелие на горном Кавказе – в Дагестане. Это были Пимен Юродивый из Гареджи и Антон, сын Наохребели, из Месхети.

Продолжение следует

Фото: Дмитрий ЗВЕРЕВ

Фото: Дмитрий ЗВЕРЕВ